

ЮЛИЯ ШИЛОВА

РАБА ЛЮБВИ,
ИЛИ МНЕ К ЛИЦУ ДАЖЕ СМЕРТЬ

Юлия Витальевна Шилова

Раба любви, или Мне к лицу даже смерть

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159630

Юлия Шилова Раба любви, или Мне к лицу даже смерть: Эксмо;

Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24620-5

Аннотация

Мария – добрая, умная, да к тому же очень красивая девушка, работала медсестрой самой обычной районной больницы. Но жизнь ей уготовила самое настоящее испытание – ее любимый заразил ее ВИЧ-инфекцией... Неожиданно она становится связанной с криминальным миром. Ее заставили стать смертельным оружием в руках бандитов, заражая СПИДом тех, кто им неугоден. И лишь когда жить уже остается всего ничего, она понимает, что самая настоящая, верная и преданная любовь была рядом, надо только протянуть руку... Но хватит ли ей силы жить дальше?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Юлия Шилова

Раба любви, или Мне к лицу даже смерть

*Машеньке Р., трагически погибшей от СПИДа,
посвящается*

Пролог

Я сижу на огромном кожаном диване и тупо смотрю в потолок. В моей руке рюмка виски и легкая сигарета с ментолом. Выпив виски, я бросаю рюмку на пол, и она разбивается вдребезги. Глаза мои застилают слезы, из груди вырывается глухой стон. На столе лежит потрепанная фотография моей матери. Я никогда не расстанусь с ней и могу разглядывать ее часами. Так получилось, что я совсем не помню маму. Она умерла, когда мне было всего три года. Интересно, какой она была? Я знаю только одно: она была очень красивая.

Тысячу раз я пыталась вспомнить тот день, когда ее не стало. Тот страшный, холодный, осенний день. Отец, забирая меня из садика, подарил мне огромного белого плюшевого медведя. Я несла его, громко смеялась и крепко держала папу за руку. Тогда я еще не знала, что ждет меня впe-

реди. Отец открыл дверь квартиры и радостно позвал мать. Ему никто не ответил. Он аккуратно разулся и направился в ванную, чтобы вымыть руки. Через несколько секунд оттуда раздался пронзительный, душераздирающий крик. Я вздрогнула, крепко прижала к себе медведя и, спотыкаясь, подошла к открытой двери. Отец стоял на коленях и громко рыдал. В ванне, наполненной водой до самых краев, лежала моя мама. Вода была малинового цвета, словно в нее подмешали акварели. Это была кровь. Отец отрешенно взглянул на меня. Втянув голову в плечи, я посмотрела на мать. Ее лицо было темно-синего цвета, полуприкрытые глаза уставились куда-то в потолок. Испугавшись, я выронила медведя, и он упал в воду рядом с мамой. Отец встал, достал из воды медведя и протянул мне. Я взяла игрушку, запачканную кровью, и крепко прижала к себе.

– Твоя мать перерезала себе вены, – глухо сказал отец, достал тело матери из ванны и положил на пол.

Перестав плакать, я растерянно посмотрела на отца. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы этот кошмар поскорее закончился и мамочка встала. Моя милая, нежная, добрая мамочка, каждый раз целовавшая меня перед сном и говорившая, что никогда в жизни меня не оставит.

Отец погладил маму по голове, затем перевел взгляд на меня и зло произнес:

– У тебя ничего нет от меня. Ты всегда была похожа на нее как две капли воды. Она клялась, что не сможет бросить

меня, но не сдержала своего обещания. Она врала, она постоянно мне врала, дрянь!

Я вздрогнула и громко заплакала. «Мамочка, пожалуйста, вставай, вставай», – сквозь слезы повторяла я, но она не отвечала.

* * *

... Дотянувшись до бара, я взяла новый бокал и наполнила его виски до самых краев. Повертев в руках фотографию мамы, я постаралась улыбнуться и смахнула слезы. Вот уж не сомневаюсь в том, что она была сильной женщиной! Говорят, что из жизни уходят только слабые, а сильные сопротивляются до последнего и наперекор всему продолжают жить. Это бред! Не так-то просто взять и сознательно уйти из жизни. Нужно иметь огромную силу воли и твердый характер. Суицид не для слабых людей. Моя мать была сильной, просто случилось нечто такое, что надломило ее психику.

Положив фотографию на стол, я залпом выпила виски. Я сделаю то же самое, что сделала моя мать. Наберу полную ванну воды и перережу себе вены. Это не так сложно. Нужно просто подготовиться морально, а я готовилась к этому ровно два года.

Да, прошло ровно два года с того самого дня, как я узнала, что больна СПИДом. Два года сумасшедших страданий и постоянного страха. Два года я подходила к зеркалу каж-

дый день и смотрела на свое отражение, пытаюсь отыскать какие-нибудь изменения во внешности. Болезнь щадила меня. У меня длинные стройные ноги, высокая грудь и тонкая шея. Правда, в последнее время шея стала выглядеть чуть толще обычного, потому что на ней опухли лимфоузлы. Я красивая, умная девушка, но меня невозможно полюбить, так как я неизлечимо больна.

Все-таки странная болезнь этот СПИД. Вылечиться от него невозможно, но человек умирает не сразу. СПИД – это наказание, божья кара. Это адская жизнь, жизнь в ожидании смерти. Благодаря СПИДу я заимела деньги. Большие деньги. Сначала они уходили на косметику, рестораны и дорогую одежду, теперь они уходят на экспериментальное лекарство АЗТ, или азидотимидин. Говорят, что это вещество, выделенное из молок сельди, оказывает подавляющее воздействие на вирус. Может, это и так, только рано или поздно наступает момент, когда АЗТ больше не помогает. Я перешагнула незримую черту... Когда-нибудь, спустя много лет, лекарство против СПИДа обязательно откроют, но я не могу ждать. Больные СПИДом вообще не могут ждать. У нас слишком мало времени до рокового звонка.

В последнее время я стала плохо себя чувствовать. Какая-то необъяснимая потеря в весе. Врачи называют это синдромом недостаточности всасывания питательных веществ. Сегодня мне стало еще хуже. Я знаю, что больше нельзя ждать, иначе СПИД меня опередит. Я должна умереть сама

и умереть красиво. У красивой женщины должна быть красивая смерть. Я надену самое нарядное платье, туфли на высоких каблуках, уложу волосы и сделаю классный макияж. Затем наберу полную ванну воды и перережу вены.

Налив новую порцию виски, я смахнула слезы и посмотрела на большого плюшевого медведя, сидевшего рядом. Это тот самый медведь – из детства. Я не смывала с него кровь матери. За свои двадцать четыре года я ни разу его не постирала. Бурые пятна постоянно напоминают мне о моей матери. Я возьму его с собой, ведь он всегда был со мной, всегда, с того самого страшного дня, когда мамы не стало.

СПИД изо дня в день ослаблял мою иммунную систему. Неделю назад я стала сильно кашлять, если это можно назвать кашлем. Кашель душит меня, не дает возможности спокойно дышать. Мой лечащий врач сказал, что теперь я от него не избавлюсь. Какая-то жидкость скапливается в легких и вызывает спазм. Я никогда еще так не уставала, как устала за эту неделю. Сумасшедшая слабость, ноги как ватные, и руки дрожат. Сначала я подумала, что это конец, но врач сказал, что все будет зависеть от организма. Иногда пациент сгорает за несколько дней, а иногда болезнь затягивается на неопределенный срок. Мне всегда говорят правду и не водят за нос, как других пациентов, потому что я плачу за эту правду баснословные деньги. Деньги мне больше ни к чему. Это ужасно – иметь деньги и знать, что они тебе не понадобятся. То, что ты хочешь на них купить, о чем мечтаешь, не

продается. Всему есть цена, только не СПИДу. Раньше мне казалось, что за деньги можно купить все, но я ошибалась. Только теперь я поняла это.

Мое новое состояние называется пневмоцистоз. Это самое распространенное осложнение при СПИДе. Говорят, что на Филиппинах есть специальный остров для больных. Мне всегда хотелось побывать на этом острове, чтобы почувствовать себя не изгоем, а нормальным человеком, с которым просто сурово обошлась жизнь. Говорят, что СПИД поражает не только организм, но и мозг. Наверное, мой мозг тоже поражен. В последнее время я агрессивна и раздражительна. Я завидую тем, кто здоров, и сочувствую тем, кто болен. Иногда мне хочется захватить с собой в ад как можно больше людей. Такие, как я, должны быть изолированы от окружающих, подобно тому как изолируют прокаженных. Правда, проказу, говорят, лечат, а СПИД – нет.

Допив виски, я громко закашляла. Воздуха не хватало, стало труднее дышать. В криминальных кругах меня называют Чума. Я привыкла к этому прозвищу. Я и есть чума. Нужно успеть, иначе СПИД может победить.

Надев туфли на высоких каблуках, я прокашлялась и подошла к зеркалу. Это не так страшно. СПИДом болеть страшнее. Моя мать смогла это сделать, значит, и я смогу. Я ненавижу себя, и я жалею себя. Вытерев слезы, я умылась и стала делать вечерний макияж. Я благодарна СПИДу за то, что он позволил мне пожить такой жизнью, о которой я меч-

тала...

Тушь не ложилась на ресницы, так как слезы застилали глаза. Наверное, мне не удастся накраситься. К черту! Откашлявшись, я бросила косметичку на пол, взяла плюшевого медведя и направилась в ванную, прижимая его к себе. Я ненавижу СПИД, и я благодарна СПИДу, благодарна за все...

Глава 1

Я посмотрела на часы и достала упаковку одноразовых шприцев. Без пятнадцати двенадцать. Ровно в полдень в процедурный кабинет начнут подтягиваться больные. Поправив накрахмаленный колпак, я придирчиво осмотрела себя в зеркале и тяжело вздохнула. Мне никогда не шли белые колпаки. Вот халатик – это совсем другое дело! В нем я чувствую себя королевой. Он плотно облегает мои изящные бедра и выгодно подчеркивает осиную талию. Своим халатиком я шокирую не только наше отделение, но и всю больницу в целом.

– С такими ногами и работать?! – постоянно доносится мне вслед.

В такие минуты я фыркаю, злюсь и всячески показываю, что мне неинтересны подобные реплики. Странные все-таки создания эти мужчины. Говорить говорят, а сделать что-либо толковое для меня не могут. Я бы с удовольствием не работала, а жила на деньги какого-нибудь спонсора. Беленький халатик сменился бы на дорогое вечернее платье, колпак – на сногшибательную шляпку, а толстые резиновые перчатки, в которых я обрабатываю процедуру, – на изящные кружевные, какие я видела только в кино. Мои нежные пальчики украсили бы дорогие кольца, а несчастные рубли, лежащие в кошельке, превратились бы в толстую пачку американских

бумажек. Только со спонсором что-то неувязочка выходит. Нет его и не предвидится. В наше время обычные медицинские работники совершенно не пользуются спросом у хозяев жизни.

Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появилась моя закадычная подруга Танька, медсестра из соседнего отделения. В крайнем возбуждении она быстро затараторила с порога:

– Бросай все к чертовой матери! Давай спустимся в приемный покой на пару минут!

– Зачем? Ты в своем уме? Мне пора уколы делать.

– Никуда твои уколы не денутся. К нам в больницу такого мужика привезли, закачаешься!

– А что мне до этого! Что я, мужиков не видела, что ли?

– Таких – нет. Вернее, видела, но с большого расстояния, – прищурила глаза Танька. – У него морда шире плеч. На шее золотая цепь толщиной в палец. Побрит налысо.словно из навороченного гангстерского боевика появился!

– Ну и что?

– Как «что»?! Я понимаю, что такой мужик не про нашу честь, но хоть один разок мы на него взглянуть имеем право? Его на такой машине привезли! Отродясь не видела!

– Где он?

– В приемном покое. Мы с тобой спустимся вниз и постоим на улице пару минут. Машка, ну пожалуйста!

Я пожала плечами и растерянно произнесла:

– Ладно, давай, только по-быстрому.

Мы спустились в приемный покой и направились к выходу. На кушетке сидел внушительных размеров качок и грустно смотрел на дежурного врача. Бросив на нас безразличный взгляд, он отвернулся в противоположную сторону. Мы проскочили мимо него и вышли на улицу.

– Ну как? – взволнованно спросила Танька.

– Обычный мордоворот. Таких в нашем городе хоть ковшом черпай.

– Только в нашу больницу они почему-то не попадают.

– Такие предпочитают лечиться самостоятельно. Кстати, что с ним?

– Бог его знает. На вид здоров как бык. Только морда немного грустная.

Я посмотрела на часы и заторопилась.

– Ладно, Танька, пошли. Что я, качков не видела, что ли? У процедуры уже, наверное, народ скопился. У меня больные дотошные, сама знаешь.

– Могла бы и в другое отделение перевестись. Я бы в урологическое в жизни не пошла.

В приемном покое я еще раз окинула взглядом нового пациента. Он посмотрел на мои ноги и слегка присвистнул. Фыркнув, я направилась к двери. Дежурный врач поднял голову и приветливо улыбнулся.

– Машенька, принимай пациента, – сказал он.

– А при чем тут я?

– В твоё отделение кладем.

– В моё?

– В твоё, – засмеялся врач. – Скажи санитарке, пусть быстро приготовит палату люкс.

Я кивнула и покосилась на мордovorота. Он скорчил кислую физиономию и отвернулся к окну. Догнав Таньку, я прижала её к стене и взволнованно произнесла:

– Представляешь, этого бугая в моё отделение кладут, в палату люкс.

– Везет же некоторым, – вытаращила глаза Танька.

– Кому это везет?

– Тебе! Я надеялась, что он к нам попадет. Таких обычно в терапевтическое направляют. Как же его в урологию-то угораздило, непонятно?

– Наверное, застудил своё хозяйство...

– Трахаться меньше надо! А ты почувствовала, каким от него одеколоном несет?

– Почувствовала. Развонялся на всю больницу.

– Кстати, он на твои ноги, как голодный волк, уставился.

– Какие ноги, если он в урологическое отделение ложится? В данный момент ноги не должны его интересовать.

– Да у вас всё отделение на твои ноги пялится, хоть через одного с катетерами ходят да с баночками для оттока мочи.

Я распрощалась с Танькой и поднялась к себе на этаж. У процедурного кабинета, как и следовало ожидать, скопился народ. Вымыв руки, я приступила к работе. Минут через два-

дцать я посмотрела в окно и увидела парочку навороченных джипов. Мой будущий пациент стоял в окружении бритоголовых мужчин. Неожиданно он поднял голову, и мне показалось, что наши взгляды встретились. Покраснев, я быстро отскочила от окна. На лбу проступил пот. Тяжело вздохнув, я поправила колпак. И дернул же меня черт подойти к окну!

Закончив процедуры, открыла дверь, чтобы немного проветрить кабинет. В коридоре стоял тот самый стриженный мордоворот. Я перевела дыхание и отвернулась. Мордоворот не заставил себя долго ждать, буквально через минуту я услышала за спиной тяжелые шаги.

– Ну что, сестричка, принимай пациента, – весело произнес он.

– Давайте карту, – вздрогнула я.

Мордоворот сел на стул, протянул историю болезни и стал нагло пялиться на мои ноги. Стараясь не обращать внимания на его сверлящий взгляд, я уткнулась в исписанные врачом страницы.

– Вам назначена внутривенная инъекция, а чуть позже надо будет поставить капельницу, – серьезно сказала я.

– Ты бы меня сначала в палату отвела. Хочется посмотреть, в каких условиях меня будут лечить.

– У вас же палата люкс...

– Ну и что? Палаты разные бывают. Я в свинарнике лежать не буду.

– У нас очень хорошая палата, – растерялась я, но затем

взяла себя в руки и сухо произнесла: – Впрочем, если вас не устраивают наши условия, можете обратиться в какую-нибудь частную клинику.

– Некогда мне обращаться. Прихватило со страшной силой, даже на стуле сидеть не могу. Слетал на недельку в Альпы чистым воздухом подышать, в горной реке искупался – так яйцо раздуло до сумасшедших размеров. Терпеть сил нет.

– Можете не продолжать, – покраснела я. – С вашей историей болезни я только что ознакомилась.

Мордоворот ухмыльнулся и протянул мне руку.

– Коли. В таком отделении работаешь, а краснеешь, словно девочка.

Пропустив мимо ушей последнюю фразу, я перетянула руку жгутом и стала набирать шприц.

– Ты хоть нормально колешь? – заволновался мордоворот.

– Нормально. У меня рука легкая. Больные хвалят.

– Смотри мне, а то, может, я сам?

– Вы что, можете сами уколоть себя в вену?

– Запросто. Я когда-то ширялся по молодости. Что уставилась?! Можно подумать, ты никогда не ширялась!

– Никогда. И вообще, я с вами на «ты» не переходила.

Я осторожно ввела лекарство. Мордоворот тяжело задыхался и с тревогой в голосе спросил:

– Что хоть вводишь-то?

– То, что прописал врач.

Бросив использованный шприц в корзину, я взяла историю болезни и тихо сказала:

– Пойдемте.

Мордоворот встал и послушно направился следом за мной. Я подошла к санитарке и попросила ее проводить больного в палату люкс. Когда они ушли, я закрыла процедуру и пошла в раздевалку, чтобы привести свою внешность в порядок. Достав из косметички коробочку теней и губную помаду, подошла к зеркалу. В раздевалку заглянула Танька и хитро посмотрела на меня.

– Да ты, подруга, марафет наводишь!

– Просто решила привести себя в порядок.

– Понятное дело, когда такого больного привезли, – съязвила Танька.

– Это не имеет к нему никакого отношения.

– Не скажи. Ты так и светишься вся изнутри.

– Больно надо, – сморщилась я.

– Кстати, а чем он болеет?

– Яйцо застудил, – не смогла я сдержать улыбку.

– Одно?

– Вроде одно.

– Хорошо, что второе не пострадало, – прыснула со смеху Танька.

– Ладно, дуй в свое отделение. Мне пора капельницу ставить.

– Кому?

– Новому пациенту, – усмехнулась я.

– А я-то думаю, какого черта ты так намарафетилась! Ты случайно не забыла, что у Светки из хирургии сегодня день рождения? Собираемся в одиннадцать, после отбоя.

– Я знаю.

– Это я так, на всякий случай. Просто ты суетишься целый день, можешь забыть.

Танька отправилась в свое отделение, а я вернулась в процедурку, взяла капельницу и пошла в палату к мордовороту.

Он лежал на кровати, поглаживая верхнюю часть спортивных штанов. Сделав безразличную физиономию, я поставила капельницу рядом с ним.

– Угораздило же меня так застыть, – пожаловался мордоворот, окинув меня оценивающим взглядом с ног до головы. – Даже неудобно как-то. Тут такая сестричка, а у меня яйцо раздуто, как арбуз.

Я залилась краской и злобно посмотрела на него.

– Я что-то не так сказал? – пожал он плечами.

– Я уже устала слушать про ваше драгоценное яйцо. В последний раз говорю вам о том, что читала вашу медицинскую карту.

Мордоворот громко засмеялся и, слегка прищурившись, уставился на мою грудь. Не обращая на него внимания, я поставила ему капельницу и вышла из палаты.

Ближе к вечеру в процедурку зашла санитарка, наша бабуля, лет пять назад вышедшая на пенсию, но продолжавшая

работать. Сев на стул, стоящий у окна, она тяжело вздохнула.

– Что, баба Люба, пригорюнилась? – улыбнулась я.

– Ну и больные нынче пошли, страшно по отделению передвигаться!

– Это ты про кого?

– Да про новенького. К нему уже криминалы пару раз приезжали. Еще и дня не лежит, а они уже заездили.

– С чего ты взяла, что это криминалы? – засмеялась я.

– А кто ж еще! Все стриженные, разодетые, с перстнями да цепочками.

– Может, это не криминалы, а коммерсанты?

– Бог его знает. Нынче коммерсанта от криминала не отличишь. И те и другие – новые русские. В общей палате, видите ли, лежать не захотел! Ему сразу люксовую подавай!

– А что ему в общей-то лежать, если деньги есть, – вздохнула я. – Это нам по жизни всем общим пользоваться, а ему только индивидуальным. Живут же люди!

– А какая краля к нему недавно приезжала! Ты таких отродясь не видела.

– Какая краля? – растерянно посмотрела я на бабулю. – Когда приезжала?

– Недавно. Сама за рулем. Одета с иголочки, как картинка. Не знаю, может, жена, а может, любовница. Ноги от ушей. Все наши мужики из палат повыскакивали на нее посмотреть.

– Что, такая красивая?

– Краси-и-вая, – восхищенно протянула баба Люба и посмотрела на часы. – Ладно, пойду. Пора коридор мыть. Я у новенького в палате прибираться стала, так чуть insult не схлопотала.

– Почему?

– Стала на тумбочке пыль вытирать, смотрю – пистолет лежит. Я-то настоящего пистолета никогда в жизни не видела. Говорю: «Сынок, зачем тебе пистолет в больнице? Ты от кого отстреливаться собрался? Тут у нас тишина и покой. Убрал бы свою игрушку подальше или товарищам отдал. Здесь она тебе без надобности». Он усмехнулся и говорит: «Откуда тебе знать, бабуля, что мне без надобности, а что нет. Я с этой пушкой даже на толчке сижу. Смерть ведь, как пуля, никогда не знаешь, где подстережет». Я перепугалась и так по-доброму к нему: «Сынок, тебя, кажется, Илюшей зовут? Ты в нашей больнице никаких перестрелок не устраивай. У нас у всех семьи, дети. Мы хотим работать спокойно. Лечи свое хозяйство, да и ступай себе с богом...»

– А он что ответил?

– Говорит: «Мать, ты не переживай. Мой полы на совесть и не забивай свою седую голову ненужными проблемами. У тебя своя суeta, а у меня своя». Скорее бы он поправился и испарился вместе со своим пистолетом.

Как только баба Люба ушла, я стала думать о той крале, которая приезжала к мордовороту. Если она такая красивая, то какого черта он пялится на мои ноги?! Похотливый самец

он, вот кто!

Не успела я додумать до конца свою мысль, как дверь открылась и на пороге появился мордоворот. Он был в шикар-ной шелковой пижаме и домашних тапочках. На волосатой груди красовался бриллиантовый крест внушительных раз-меров. От неожиданности я вздрогнула и выронила из рук металлический лоток.

– Ты что? – заржал мордоворот.

– Ничего! Стучаться надо!

– Что-то я не замечал, чтобы к тебе в процедурку стуча-лись.

– Тогда не надо заходить как привидение.

– Я что, похож на привидение?

– Похож. – Я наклонилась и подняла лоток.

Мордоворот немного потоптался на месте и спросил:

– Тебя, по-моему, Машей зовут?

– Машей.

– А меня Ильей.

– Очень приятно, – машинально ответила я и подошла к окну.

– Мне тоже, – серьезно сказал мордоворот.

– Что вы хотели узнать?

– Давай перейдем на «ты».

– Что ты хотел узнать? – переспросила я.

– Хотел узнать: ты мне что-нибудь на ночь колоть будешь?

– Нет. Только завтра утром.

– Как, вообще ничего? – удивился мордоворот.

– Ничего.

– Яйцо болит, сил нет терпеть. Дай хоть какое-нибудь обезболивающее.

– Не могу. Сходи к дежурному врачу, пусть что-нибудь пропишет. Все, что я могу тебе дать, так это таблетку анальгина. Боюсь только, что она тебе не поможет.

– Дай хоть анальгин.

Я пожала плечами и протянула ему анальгин. Он моментально проглотил таблетку, запив ее водой из-под крана.

– А где дежурный врач?

– В ординаторской должен быть.

– Там закрыто.

– Уже поздно. Наверное, шарахается в другом отделении. Можешь идти в палату. Я его найду, скажу, чтобы он к тебе обязательно зашел.

– Скажи, что у меня яйцо ломит, хоть на стенку лезь.

– Хорошо, – покраснела я и опустила глаза.

Мордоворот ухмыльнулся и сел на стул.

– Послушай, тебе нравится моя пижама? – спросил он, поправляя бриллиантовый крест.

– Нормальная пижама.

– Я ее вчера купил. Под цвет глаз. У меня глаза голубые. Я всегда покупаю под цвет глаз, даже машину.

– У богатых свои причуды.

– А с чего ты взяла, что я богатый?

– Бедные в таких палатах не лежат.

– Тоже верно, – засмеялся мордоворот. Минут через пять он отправился в палату, а я, посмотрев на часы, с ужасом обнаружила, что Светкин день рождения давно уже начался. Быстро собравшись, я побежала в другое отделение и попала в самый разгар веселья.

Танюха, сидевшая в обнимку с медбратом, бросила на меня заинтересованный взгляд. Я села рядом с захмелевшей Светкой и выпила протянутый кем-то бокал шампанского.

– Как твой больной? – ехидным голосом спросила Танька.

– Нормально.

– Капельницу поставила?

– Поставила.

– Он по-прежнему на твои ноги косится?

– Какие ноги, у него яйцо ломит! Он анальгин глотает. Петрович, а ты зря так набрался, – обратилась я к нашему дежурному врачу.

– Почему? – обиделся Петрович. – В отделении тихо. Тяжелых нет. Разве только что привезут кого...

– А ты забыл про утреннего пациента?

– Это какого же? – удивился Петрович.

– Какого-какого – что в нашем люксе лежит!

– Этот хмырь, что ли? – засмеялся Петрович. – Я смотрю, Машенька, ты на него глаз положила!

– Ладно, перестань, он тебя зовет. Говорит, яйцо ломит, терпеть не может.

– Трахаться меньше надо.

– Да не трахался он, в холодной воде искупался.

– Знаем мы, как они в реках купаются!

– Ладно, Петрович, мое дело сказать, а ты с ним уж сам разбирайся.

Петрович нехотя встал и пошел в отделение. Светка включила музыку и, задрав полы халатика, принялась танцевать. Баба Люба принесла самогонку и заставила всех присутствующих отведать ее продукт. Сделав пару глотков, я почувствовала, что меня повело.

Примерно через полчаса вернулся Петрович. В руках он держал небольшую бутылочку дорогого коньяка и нарядную коробку конфет.

– А это что? – поинтересовалась Танька.

– А это, девочки, коньяк, который стоит столько же, сколько я получаю в месяц.

– И кто тебя так подогрел?

– Бандит, который лежит в палате люкс.

Девчонки схватили бутылку и стали ее рассматривать, словно это была антикварная вещь. Я взглянула на довольного Петровича и улыбнулась.

– Это что, взятка?

– Может, и взятка, – засмеялся Петрович. – Я ему сделал обезболивающий укол и проболтался, что у нас небольшой сабантуй. Он достал коньяк с конфетами и сказал, чтобы я поздравил именинницу от его имени.

– Вот это я понимаю, настоящий мужик! – восторженно произнесла Танька. – При деньгах и, самое главное, не жадный!

Петрович откупорил бутылку и разлил коньяк по рюмкам.

– Ну что, девчата, попробуем напиток богов? Я такой и не пил никогда. Почаще бы к нам бандитов клали, мы бы не только коньяк за полторы тысячи пили, но и осетриной с черной икрой закусывали.

Я выпила рюмку и одобряюще качнула головой.

– Вкусно.

– Вкусно, – согласились остальные и за несколько минут опустошили бутылку.

Глава 2

Чуть не заснув за столом, я пришла к выводу, что пора закругляться, и отправилась в свое отделение. Перед глазами мелькали красные круги, ноги совершенно не хотели слушаться. Из головы не выходил этот чертов мордоворот вместе с той загадочной кралеи, которая к нему приезжала. Интересно, кем она ему приходится? Наверное, жена. Пусть только попробует еще хоть раз взглянуть на мои ноги, я сделаю так, что у него не только яйцо опухнет, но и еще кое-что! Я засмеялась и открыла стеклянную дверь своего отделения. В коридоре горел тусклый свет, не было слышно ни единого звука. Больные у меня дисциплинированные и режима не нарушают. Дойдя до раздевалки, я почувствовала, что сейчас упаду, и стала лихорадочно искать выключатель. Неожиданно кто-то зашел следом за мной и резко придавил меня к стене. Я вздрогнула и хотела закричать, но тут зажегся свет, и я увидела смеющегося мордоворота.

– Ну что, здорово я тебя напугал?

– Придурок!

– Ой, Маша, да ты совершенно пьяная! – заржал он.

– Не смешно. Оставь свои штучки для кого-нибудь другого, а меня пугать не смей! Я сама кого хочешь напугаю. Ты лучше бы свое яйцо лечил, а не по отделению гарцевал, словно рысак!

– Я его и так лечу, – обиженно протянул мордоворот.

– Учти, ему покой нужен. Спи больше, быстрее пройдет...

Не успев договорить последнюю фразу, я рухнула на пол.

На лбу выступили капельки пота, а к горлу подступила тошнота.

– Ну ты даешь! Разве можно на работе так пить!

Я попыталась встать, но ноги не хотели слушаться. Мордоворот взял меня на руки и понес в свою палату. Нахмутив лоб, я строго произнесла:

– А ну-ка быстро поставь меня на пол!

Мордоворот никак не отреагировал на мои слова.

– Поставь меня на пол, я кому сказала!

– Кончай орать, а то щас все отделение разбудишь!

Открыв дверь палаты, он отнес меня в ванную и быстро сделал раствор из марганцовки.

– Что это? – Я держалась за батарею и с интересом наблюдала за его действиями.

– Ты же медик, должна знать, что марганцовкой чистят желудок.

– Он у меня не засорился.

– Я бы этого не сказал. Давай пей, а то мне придется про-
чистить тебе не только желудок, но и мозги. Вы всегда так
дни рождения справляете? Ну, блин, а если какому-нибудь
пациенту ночью плохо станет и помощь понадобится, каким
образом ты будешь ее оказывать, если тебя саму надо отка-
чивать?!

– Это все бабулькина самогонка. Больно ядреная, пить невозможно.

– Я думал, что все медики пьют только разбавленный спирт.

– Ну и спирт тоже.

– Я же дал вам бутылку нормального коньяка.

– Там народу больно много, твой коньяк даже распробовать не успели.

– Ну вы и пьете!

Я съехала по стене и приземлилась рядом с унитазом. Мордоворот стал поить меня марганцовкой. Когда мне немного полегчало, я вышла из ванной и села в мягкое кресло. Мордоворот взял меня за подбородок и взгляделся в мое лицо.

– Ну вот, даже румянец появился. Вроде бы возвращаешься к жизни.

– Руки убери.

– Не понял. Я же тебя спас, можно сказать.

– Это не дает тебе права меня трогать.

Мордоворот сделал кислую физиономию и пожал плечами.

– Почему ты никогда не называешь меня по имени?

– Потому что ты лежишь в нашем отделении всего один день. Я, может, еще не успела запомнить твое имя.

– Я же тебе говорил, что меня зовут Илья.

– Илья, будь другом, свари кофе. Я смотрю, тебе кофевар-

ку принесли.

Мордоворот улыбнулся и стал делать кофе.

– А ты красивая.

– Спасибо. Говорят, что к тебе сегодня еще красивее приезжала.

– Алка, что ли?

– Не знаю, Алка, Галка, мне разницы нет.

– А мне кажется, ты ревнуешь.

– Вот еще! Чтобы ревновать, надо к человеку хоть что-нибудь чувствовать, а я к тебе совершенно равнодушна.

Илья поставил на стол чашечку кофе, сел на ковер и обхватил руками мои коленки. Я покраснела, но почему-то не оттолкнула его.

– А ты в этом уверена? – тихо спросил мордоворот и пристально посмотрел мне в глаза.

– В чем?

– В том, что совершенно ко мне равнодушна.

– Уверена.

– А мне кажется, наоборот. Ты стала ко мне кое-что чувствовать сразу, как только меня увидела. Ты же не зря выбежала со своей подружкой в приемный покой на меня поглазеть.

Я покраснела еще больше и растерянно произнесла:

– Это все Танька! Она меня потащила... Какого черта я поддалась на эту авантюру!

– Может, оно и к лучшему, – усмехнулся мордоворот.

– Не говори ерунды!

Я убрала его руки с моих коленей и стала пить кофе. Илья сел напротив.

– Ты замужем? – спросил он.

– Разведена.

– Такая молодая и уже успела побывать?

– Дурное дело нехитрое.

– А бывший муж где?

– Объялся груш. Какая тебе разница?

– Просто интересно.

– Тебя это совершенно не касается.

Посмотрев на тумбочку, я вздрогнула. Как и говорила баба Люба, на тумбочке лежал пистолет, спрятанный в кобуру.

– Настоящий?

– Понятное дело, что не игрушечный.

– Зачем он тебе?

– Ну а ты сама как думаешь, для чего нужен пистолет?

– Для того, чтобы стрелять.

– Правильно.

– Ты хочешь сказать, что собрался палить в моем отделении?!

– Пока нет, – засмеялся Илья.

– Как это «пока»?

– Пока все спокойно.

– А что, разве может быть беспокойно?

– Вполне. Я же не знаю, что будет завтра?

– А что будет завтра? – не унималась я.

– Может, ко мне в больницу мои враги пожалуют.

– Что, и такое может быть?

– Вполне.

– Побыстрее бы твое яйцо приняло прежнюю форму и тебя выписали, – в сердцах произнесла я.

– Это зависит от вас, медиков. Пока оно без изменений, – нарочито вздохнул Илья.

– Что, совсем не уменьшилось?

– Ни на сантиметр. У меня и так яйца большие, а тут еще раздуло, как у слона, прикинь, каково мне ходить? Хочешь, покажу?

– Не вздумай!

– Я же как медику.

– Ну и что, я же не врач и в этом ничего не соображаю.

– Мне пока только уколы делают и таблетки дают, правда, на завтра еще прогревание назначили. Может, массаж нужно попросить?

– Какой еще массаж?

– Непосредственно в области поражения, – хмыкнул Илья.

– Да пошел ты!

Я встала и направилась к выходу.

– Ты что, обиделась?

– Я на идиотов не обижаюсь. Ложись спать, а то завтра не встанешь. Твоему яйцу покой нужен и отдых. Это и есть

лучшее лекарство.

Добравшись до сестринской комнаты, я завалилась на кушетку и крепко уснула. Без пятнадцати шесть зазвенел будильник. Я встала, привела себя в порядок и отправилась делать уколы. Проходя мимо палаты люкс, почувствовала, как учащенно забилося сердце, и мысленно выругала себя за слабование.

К девяти пришла моя напарница. Я стала собираться домой, постоянно поглядывая на дверь палаты, где лежал мордоворот. За дверью было тихо. Это говорило о том, что Илья спал без задних ног и совершенно не думал о том, что через несколько минут я уйду из отделения. После шумного веселья мои коллеги выглядели не лучшим образом. Петрович наглотался таблеток и сетовал на то, что в таком состоянии он просто не может сесть за руль своего автомобиля. Когда-то в старые добрые времена нас выручал аппарат, который назывался – электросон. Он стоял в кабинете физиотерапии и считался лучшим другом в минуты жуткого похмелья. Мы по очереди ложились под него и через десять минут чувствовали себя вполне сносно. Однако, на нашу беду, месяца три назад этот замечательный аппарат сломался, а чтобы починить его, нужны деньги, которых у больницы, разумеется, нет.

Скинув халат, я натянула обтягивающие джинсы, легкую майку и вышла в коридор. Неожиданно дверь палаты люкс распахнулась, и на пороге появился заспанный мордоворот.

Увидев меня, он решительно направился в мою сторону, явно собираясь прижать меня к стене.

– Ты куда собралась?

– Домой, отдохнуть. Я посменно работаю.

– Когда следующая смена?

– Через два дня. Я на сутки заступаю.

– Понятно, а что меня не разбудила?

– Зачем?

– Затем, чтобы со мной попрощаться.

– А чего это мне с тобой прощаться?

– Ты хочешь сказать, что смогла бы просто так взять и уйти?

– Послушай, что тебе от меня надо? Ты мой пациент. Я медсестра. Что-то я не видела, чтобы больные и медсестры друг с другом прощались. И вообще, ты меня компрометируешь. Уже все больные на нас вылупились!

– Ну и пусть глазеют. Мне-то что?

– Конечно, тебе нет никакого дела. Ты свой срок отлежишь и домой уедешь, а мне в этой гребаной больнице до пенсии трубить.

– Больные твои тоже тут постоянно не лежат. Выпишутся, и больше ты их никогда не увидишь.

– Не скажи. Половина в нашем отделении по несколько раз в году лежат.

– Кстати, а почему ты свою родную больницу гребаной называешь? – усмехнулся мордоворот.

– Потому что работаю за копейки, а мне, между прочим, тоже нормально пожить хочется. Ладно, мне домой пора. Надеюсь, что твое яйцо за два дня не пройдет и мы увидимся.

– Ты этого хочешь?

– Мне, конечно, все равно, – покраснела я и опустила глаза, – но...

– Послушай, Маша, у меня к тебе дело есть. Ты можешь зайти на секунду в мою палату?

– Какое еще дело?

– Зайди на пару минут.

Илья взял меня за руку и потянул в свою палату. Как только за мной закрылась дверь, он протянул мне небольшой черный пакетик, в котором лежало что-то квадратное. Пакет был плотно заклеен скотчем. Я с удивлением посмотрела на сверток и тихо спросила:

– Что это?

– Да так, несколько бумаг. Передай их одному человеку.

Я взяла сверток и внимательно осмотрела его.

– Что-то тяжелый он для того, чтобы там лежали бумаги...

– Там деньги, – серьезно произнес Илья.

– Деньги?

– Точно, только зеленые.

– Валюта?

– Она самая.

– А почему именно я должна передавать эти деньги? Ты меня в свои дела не впрягай. Я живу спокойно, никому не

мешаю. Мне чужие проблемы ни к чему. Вот выпишешься, и вези эти деньги в нужное место.

– Потом будет поздно. Мне нужно именно сейчас. Яйцо меньше не стало, наоборот, его еще больше раздуло, поэтому неизвестно, на какой срок я тут задержусь. Будь другом, передай. Тут делов-то! Их нужно отвезти в один поселок в Подмосковье. Я тебе адрес дам. Сегодня сядешь на электричку и отвезешь.

– А почему именно я? У тебя куча крутых знакомых на навороченных машинах. Им это сделать намного проще и удобнее.

– Я не хочу, чтобы о передаче денег кто-нибудь знал.

– Но ведь у тебя есть близкие друзья, доверься им.

– Я не могу никому доверять.

– К тебе приезжала девушка, передай через нее. Ей проще, она за рулем. Все ж лучше, чем мне на электричке переться.

– Я ей не доверяю, – отрезал Илья.

– Как это? – удивилась я. – А с чего ты мне должен доверять? Ты меня всего один день знаешь.

– Этого хватило, чтобы я стал тебе доверять. Ты девушка порядочная. Сделай, а я тебя отблагодарю.

Я вспыхнула.

– Да как ты смеешь?! Мне вовсе не нужна твоя благодарность! Просто мне искренне жаль, что ты общаешься с людьми, которым не можешь доверять!

– Тебе этого не понять. Я живу в другом измерении, в дру-

гом мире, где никто никому не доверяет. У нас свои законы и свои принципы.

Я пожала плечами и глухо произнесла:

– Хорошо, я передам твой сверток.

– Спасибо.

Илья подошел к тумбочке, написал адрес и протянул мне листок.

– Эта деревня называется Пески. Ехать примерно пару часов. Когда доберешься, спросишь Валета и передашь ему сверток. Валет – мужчина моего возраста. Думаю, у тебя не возникнет особых проблем. А насчет вознаграждения, это ты зря.

– Оставь свое вознаграждение для тех людей, которым ты не доверяешь. Мне ничего от тебя не нужно.

Я бросила светрок в пакет и направилась к выходу. Илья перегородил мне дорогу и положил руки мне на плечи.

– Спасибо, – тихо сказал он и уткнулся мне в шею.

– Пожалуйста. Дай пройти. Можешь не беспокоиться. Твой Валет получит эти деньги сегодня же.

Илья поднял голову и посмотрел мне в глаза.

– Знаешь, чего я хочу больше всего на свете? – спросил он.

– Чего?

– Я хочу, чтобы мое яйцо раздулось еще больше. Это даст возможность видаться с тобой хотя бы раз в три дня.

Я залилась краской, оттолкнула Илью и громко сказала:

– Да пошел ты, придурок! Ты даже не представляешь, какой ты придурок!

Выбежав из палаты, я с облегчением вздохнула и направилась к выходу.

Глава 3

Сев на ближайшую электричку, я поехала в Пески. Странный он все-таки тип. Доверил деньги, хотя мы знакомы всего-то один день! Меня так и подмывало распечатать сверток и пересчитать сумму. А что, если вытащить несколько купюр? Я слышала, что в Песках недавно отгрохали неслабый коттеджный поселок, его даже по телевизору показывали. Если этот Валет живет там, то ему несколько долларовых бумажек погоды не сделают, а для меня это было бы целым состоянием.

Еще раз посмотрев на пакет, я подумала о том, что будет лучше оставить сверток в том виде, в каком мне его дал Илья.

Когда электричка остановилась на нужной станции, я вышла на платформу и огляделась по сторонам. На платформе в ожидании поезда на Москву стояли усталые дачники. На меня они не обращали никакого внимания. Добравшись до коттеджного поселка, прошла в ворота и быстро отыскала нужный мне дом. То, что я увидела, превзошло все мои ожидания. Это был настоящий замок, стоявший на небольшой поляне, засеянной канадским газоном.

Нажав на кнопку звонка, я подняла глаза и увидела направленную на меня видеокамеру. Через минуту входная дверь открылась, на пороге появился мужчина, чем-то по-

хожий на Илью. Он быстро прошел по выложенной кирпичом дорожке, открыл калитку и посмотрел на меня оценивающим взглядом.

– Кто ты такая и зачем пожаловала? – Его голос не предвещал ничего хорошего.

– Я от Ильи. Он просил передать вам небольшой сверток.

– А где он сам? У него что, ног нет?

– Он лежит в больнице.

– Продырявили ненароком?

– Нет, он простыл.

– Надо же, а я не знал, что при простуде кладут в больницу. Что, так сильно окрутел, что не может доехать до моего дома?

Я почувствовала, как во мне закипает дикая ярость. Еще немного, и я наговорю этому остолопу кучу грубостей.

– Послушайте, – отчеканила я, – мне нужно домой. Я сегодня ночью дежурила, поэтому хочу хоть немного отдохнуть.

Мордоворот усмехнулся. Я протянула ему пакет, но он даже не посмотрел на него. Я положила пакет на землю, развернулась.

Как только я сделала несколько шагов, Валет громко крикнул:

– Стой! Ты куда направилась?!

Я машинально оглянулась. Валет улыбнулся и миролюбиво сказал:

– Зайди в дом. Так свертки не передают.

– Зачем?

– Я хочу пересчитать сумму, вдруг там какой-нибудь мелочи не хватает.

– Я не имею к этим деньгам никакого отношения, – решительно произнесла я. – Это вы там с Ильей выясняйте, чего у вас хватает, а чего нет. Мое дело маленькое. Я тебе сверток привезла, а больше меня ничего не интересует.

Валет засмеялся:

– Ишь ты строгая какая! Ладно, зайди в дом. Я тебя угощу вкусным кофе. Ты все-таки ехала в такую даль, а насчет денег я пошутил, не обращай внимания.

– Спасибо за кофе, но мне пора ехать.

– Тебе что, запахло со мной выпить чашечку кофе?!

– Просто я тороплюсь.

– Я задержу тебя не больше чем на десять минут.

Я пожала плечами и согласилась остаться.

Валет провел меня в шикарную гостиную и пригласил сесть напротив камина. Я плюхнулась в кожаное кресло, у моих ног лежала огромная шкура бурого медведя. Валет ушел на кухню варить кофе. Я тяжело вздохнула, вспомнив свою убогую, однокомнатную хрущевку. Мне всегда хотелось жить стильно и не думать о средствах, вернее, не забивать себе голову ненужными проблемами. А то включишь телевизор, а там рекламу крутят: пообедайте только в нашем ресторане, загорайте только в нашем солярии, приезжайте только в наш ночной клуб, покупайте продукты только в на-

шем супермаркете, занимайтесь только в нашем тренажерном зале. Ах, простите, извините, но, к сожалению, я не могу себе позволить посетить именно ваш тренажерный зал. Мне на проезд до работы с трудом хватает. Стоишь в трамвае и думаешь только о том, чтобы контролер покладистый попался. Если бы я жила в таком доме, то загрузила бы мужа всеми бытовыми проблемами, а сама занималась только собой...

В гостиную вернулся Валет, перебив мои глупые мысли. Он вкатил небольшой столик, красиво сервированный сладостями. Я взяла чашечку кофе и выбрала пирожное.

– А что, в этой деревне есть ресторан или из Москвы привозишь?

– Покупаю это в Воскресенске, в двадцати минутах езды отсюда.

– Понятно.

Я откусила маленький кусочек и сделала несколько глотков кофе.

– На чем приехала?

– На электричке.

– Ты что, новая подружка Ильи? – подозрительно спросил Валет.

– Я его медсестра.

– Он что, так окрутел, что завел себе личную медсестру?

– Он лежит в отделении, где я работаю.

– А в каком отделении ты работаешь?

– В урологическом.

– А что это за отделение?

– Простынешь – узнаешь.

– Я, кажется, въехал. Илюха яйца себе застудил! – засмеялся Валет.

Пропустив его слова мимо ушей, я допила кофе и поставила чашку на стол. Затем встала с кресла и улыбнулась.

– Спасибо за угощение. Приятно было познакомиться. Мне пора.

Валет вскочил с кресла и встал рядом.

– Может, еще посидишь? Что ты постоянно торопишься?

– Мне пора, – еще раз повторила я и направилась к выходу.

Валет пошел меня провожать. Когда мы вышли на крыльцо, я увидела подъезжающую машину.

– Это кто еще пожаловал? – Прищулив глаза и прочитав номер, Валет толкнул меня обратно в дом.

– Что случилось?

– Незваные гости нагрянули. Я никого не ждал. Зайди в коттедж и где-нибудь спрячься.

– С чего бы это? – произнесла я с дрожью в голосе. – Пусты, мне пора на электричку.

– Что ты заладила со своей электричкой! Ты что, совсем дура?!

Валет достал пистолет, снял с предохранителя, зашел в дом и встал у окна. Спрятавшись за шторой, я с ужасом наблюдала за происходящим. Из машины вышли трое муж-

чин, прошли по дорожке и поднялись на крыльцо. Валет взял сверток с деньгами и положил за камин. Затем отрешенно посмотрел на меня и тихо сказал:

– Послушай, сестричка, по-моему, ты влипла.

– Как это влипла?

– Молча. На хрен свертки возить по незнакомым адресам!

Это тебе не в процедурке уколы делать!

– А ты дверь не открывай, – испугалась я.

– Не могу. Они весь поселок на уши поставят. Если они приехали, значит, им что-то нужно. Давай узнаем, что.

– Давай не будем. Они сейчас постучат, подумают, что тебя нет дома, и уйдут.

– Такие не уйдут. Спрячься куда-нибудь. Я открою дверь.

Окинув взглядом гостиную, я не смогла придумать ничего более умного, чем залезть за большущий кожаный диван и лечь на пол. На лбу проступил пот. Я смахнула его рукавом. Господи, какого черта мне понадобилось тащить этот сверток неизвестно куда! Сердце билось как сумасшедшее, воздуха не хватало. Мне казалось, что я умру от переизбытка адреналина еще до того момента, как Валет откроет дверь.

Через несколько секунд в прихожей раздались громкие голоса, а затем незнакомые мне бритоголовые мужчины появились в гостиной. Один из них прижал Валета к стене и сурово произнес:

– Валет, где капуста?

– У меня ничего нет, – глухо ответил тот.

– Не юли, я не люблю повторять. Где капуста?

– Батон, я сейчас на нулях, у меня нет ни хрена. Ты же меня знаешь, как будет, обязательно отдам.

– Как ты отдашь, это я точно знаю. Ровно год не мог с тебя ничего вытрясти.

Двое других, обыскав Валета, отобрали у него пистолет. Затем они принялись рыскать по дому в поисках денег, открывали шкафы, выдвигали ящики столов, высыпая все содержимое на пол. Один подошел к дивану, рывком отодвинул его и схватил меня за волосы. Я закричала и укусила его за палец, мужчина отдернул руку и изо всей силы ударил меня по лицу.

– Батон, смотри, какая тут телка!

Батон обернулся и с интересом посмотрел на меня. Я выпрямилась в полный рост и поправила прическу. Руки противно дрожали, перед глазами плыло. Поигрывая пистолетом, Батон подошел ко мне вплотную. Я почувствовала, что могу в любую минуту потерять сознание. Он взял меня за подбородок и громко спросил:

– Ты кто такая?!

– Маша, – тихо ответила я.

– Хороша Маша, да не наша, – засмеялся Батон и провел пистолетом по моей груди.

Я боялась пошевелиться. Мне хотелось, чтобы этот кошмар поскорее закончился. Вот сейчас я проснусь – и окажусь в своей богом забытой хрущевке... Но это не было сном. Пе-

редо мной стоял настоящий бандит с настоящим пистолетом в руках. Я перевела взгляд на Валета. Батон ухмыльнулся и ехидно процедил:

– Валет, твоя шалава?

– Это медсестра, – едва размыкая губы, произнес Валет.

– Ты так поднялся, что завел себе личную медсестру?!

– Она не моя личная. Она общаковая. В больнице работает, в Москве. Илюха ее трахает.

Подобной наглости я стерпеть не смогла.

– Никто меня не трахает! Я здесь случайно оказалась.

– Хватит мне лапшу на уши вешать! – злобно произнес Батон и схватил меня за шиворот. – Ну что, сестричка, может, ты знаешь, где в этом доме капуста лежит?

– Капуста? – растерялась я и пожала плечами. – Где может быть капуста? В огороде, наверное.

Двое других мордоворотов громко заржали и посмотрели на обезумевшего Батона.

– Ты чо, совсем дура или просто прикидываешься?! – взревел он.

– Ты спросил меня про капусту, а я тебе ответила.

– Ты, в натуре, дура! – Батон схватил меня за волосы и намотал их себе на руку.

Я взвизгнула и со слезами на глазах произнесла:

– Пусти, больно же!

– Больно?! Тогда скажи, где лежит капуста? Капуста – это баксы, придурочная!

– Деньги лежат за камином, – еле слышно сказала я.

– Где?!

– За камином.

– Эта шлюха все врет! – закричал Валет и чуть было не бросился на меня.

Один из мордovorотов откинул его к стене и ударил пи-столетом по голове. Валет схватился за голову, присел на корточки и скорчился от боли. Я сделала глубокий вдох и быстро произнесла:

– Мне лишние проблемы не нужны. Я тут случайно. Сверток с деньгами находится за камином.

Батон отпустил меня и подошел к камину. Порыскав, он вытащил тот самый сверток, который передал мне Илья, быстро распечатал его. В пакете лежали аккуратно упакованные доллары. У меня перехватило дыхание – так много баксов в одном месте я еще не видела.

– Сколько здесь? – Батон дружелюбно посмотрел на меня.

– Понятия не имею.

– Сто тысяч, – глухо ответил Валет и метнул в мою сторону такой ненавидящий взгляд, что у меня по коже пробежали мурашки. Боже мой, сто тысяч! Неужели я везла в своем пакете сто тысяч долларов! Да мне в жизни столько не зарабатывать.

– Что уставилась? – усмехнулся Батон. – Тоже деньги любишь? Правильно, сестричка, деньги все любят. Разве их можно не любить? Убивают и за маленькие деньги, а за боль-

шие хоронят заживо или расстреливают из гранатомета.

От последней фразы мне стало не по себе, даже захотелось залезть обратно за диван.

– Мальчики, отпустите меня домой, – жалобно попросила я. – Я же сказала, где лежат деньги. Больше я ничего не знаю.

Батон рассмеялся и сказал:

– Ладно, сестричка, живи, пока я добрый. Только помни одно: если попадешься мне хоть раз на глаза, пристрелю как собаку. Поняла?

– Поняла. – Я смахнула слезы и покосилась на его пистолет.

Батон еще раз провел дулом мне по груди, сунул пакет с баксами за пазуху и спрятал пистолет в кобуру. Затем он подошел к Валету, заехал ему кулаком в висок и, улыбаясь, произнес:

– Ладно, Валет, мне пора. Знай, что это не вся сумма. Скоро я опять объявлюсь.

Валет, прижав руку к виску, тяжело дышал. Когда мужчины ушли, я нашла небольшое махровое полотенце, намочила его и протянула Валету.

– На, вытри кровь.

– Пошла ты на хрен, сука драная, – простонал Валет.

– Смотри, у тебя же кровь фонтаном бьет. Так можно и загнуться!

Валет нехотя взял протянутое полотенце и приложил к виску.

– Тварь! – злобно прошипел он.

– Кто?

– Ты, кто ж еще?

– Я?!

– Тебя кто за язык тянул? Твое дело было молчать!

– Они бы убили нас обоих.

– Учти, сука, ты должна мне сто тысяч долларов.

Встряхнув головой, я посмотрела на Валета.

– Ты что, совсем спятил? Я вообще не имею к твоим долларам никакого отношения!

– Ты должна мне сто тысяч долларов, – повторил Валет. – Даю тебе ровно неделю. Как только срок истечет, урою тебя вместе со всеми твоими родственниками.

– Ты сумасшедший! Я же не брала этих денег!

– Ты сдала место, где лежали эти деньги.

– Напиши заявление в милицию. Ты же знаешь, кто их забрал. Пусть ищут.

– Боже мой, и где только Илюха нашел такую дуру! Ты чо, до сих пор пользуешься услугами милиции?! В милицию обращаются одни лохи. Ты и есть лохиня. Только знай одно: если сунешься к ментам, я достану тебя из-под земли и вырву язык собственными руками.

– Ладно, я пойду, мне пора. Очень жаль, что все так получилось.

– Стой, сука!

Валет встал, подошел к сейфу, достал оттуда небольшой

пистолет и направил на меня. Я сглотнула слюну и попятилась к стене.

– Валет, ты что?

– Ничего. Из-за тебя я лишился своих денег. Ты можешь гарантировать, что соберешь эту сумму за неделю?

– Такая сумма мне даже во сне не снилась. Я и тысячи долларов никогда в руках не держала. Может, у Ильи есть? У меня точно нет.

– Дрянь!

Валет тупо смотрел на меня. С его виска капала кровь, а губы были темно-синего цвета.

– Валет, отпусти меня, – почти шепотом попросила я. – Отпусти меня, пожалуйста.

– Ты чо, подруга, в натуре такая бестолковая или просто прикидываешься?! Ты сдала мои баксы, а я должен тебя отпустить! Да я тебя вон под ту яблоню сейчас закопаю!

Я повернула голову в сторону окна и увидела яблоню.

– Правильно ты сориентировалась. Именно под той яблоней ты и будешь лежать.

Валет подошел вплотную и прижал меня к стене. Дуло пистолета уперлось мне в грудь, причинив острую боль. Мне захотелось закричать на весь дом, но голос куда-то пропал.

– Не убивай, – прошептала я и жадно поцеловала Валета.

Валет вздрогнул.

– Ты эти штучки брось. Я на них не ведусь. Ты хочешь продать мне свое тело за сто тысяч долларов? Так знай, что

оно не стоит даже сотки баксов.

– Если уж ты собрался меня убивать, то разреши мне сначала доставить тебе удовольствие.

Валет быстро сунул руку мне под майку, но в другой по-прежнему держал пистолет. Неожиданно он тяжело задышал и ослабил хватку. Воспользовавшись этим, я постаралась перехватить оружие. Валет моментально пришел в себя. Между нами завязалась борьба. Через несколько секунд раздался громкий выстрел. Резко запахло порохом. Я закрыла глаза и подумала о том, что сейчас умру. Однако вскоре я поняла, что пуля меня не задела. Валет лежал у моих ног и, кажется, не дышал.

– Эй, ты что? – Я опустилась на колени и громко заревела.

Валет не шевелился, глаза его смотрели мимо меня куда-то в потолок, а на рубашке быстро расплывалось темно-красное пятно. Дико вскрикнув, я бросилась к выходу. Добежав до входной двери, зачем-то оглянулась на распростертое тело и выскочила во двор.

Остановившись у высокого кирпичного забора, я вдруг подумала о том, что на пистолете остались отпечатки моих пальцев. Стараясь не терять самообладания, я поправила майку, пригладила волосы и вернулась обратно. Валет лежал без движения в большой луже крови. На секунду мне показалось, что сейчас я упаду рядом с ним и потеряю сознание. Судорожно сглотнув, я подошла к телу и подняла пистолет. Положив его в первый попавшийся пакет, выбежала из дома

и помчалась к станции.

Электричка до Москвы должна была подойти через тридцать минут. Я села на лавочку, смахнула подступившие слезы и с ужасом обнаружила, что на меня смотрят люди, стоявшие на перроне. Постаравшись сделать беззаботное лицо, я неспешно поднялась и, покачивая бедрами, направилась в дальний конец платформы, где никого не было.

Приоткрыв пакет, я посмотрела на пистолет. В голове стучало, перед глазами стоял мертвый Валет. Прогнав неприятное видение, я подумала о том, что надо бы бросить пакет с пистолетом куда-нибудь в воду. Посмотрев на часы, я вышла на проселочную дорогу, дошла до ближайшего озера и присела у самой кромки воды. Затем, отдышавшись, огляделась по сторонам и, широко размахнувшись, забросила злополучный пакет как можно дальше.

На станцию я вернулась как раз вовремя. Сев в вагон, закрыла глаза, облокотилась на спинку и собрала все силы, чтобы не зарыдать.

Глава 4

Едва только поезд отошел от станции, кто-то положил руку мне на плечо и весело произнес:

– Здравствуйте, Маша, тысячу лет не виделись!

Открыв глаза, я испуганно покосилась на сидящего рядом мужчину. Вне всякого сомнения, я знала его раньше, только вспомнить, кто это, не могла.

– Маша, неужели вы меня не помните? – приветливо улыбнулся мужчина.

Я безразлично посмотрела на него и глухо произнесла:

– Простите, я слишком плохо себя чувствую. Кроме того, у меня плохая память на лица.

– Жаль, а когда-то вы за мной ухаживали...

Я еще раз взглянула на случайного попутчика и с трудом вспомнила, что он, кажется, лежал в нашем отделении. Мужчина был одет в темные шорты, футболку и летние сланцы. На вид ему было около сорока. Приятная внешность. На похотливого самца или бандита не похож. Да и на коммерсанта тоже. Скорее на интеллигента, хотя в таком состоянии я могу и ошибиться.

– Вы мой больной?

– Точно. Пару лет назад имел честь лечиться у вас.

– По-моему, вы лежали в самой крайней палате. Ближе к окну. Вас быстро выписали, наверное, именно поэтому я вас

почти не запомнила.

– А я до сих пор не могу вас забыть. Вы очень красивая девушка. Я сразу вас узнал, как только увидел.

Перед глазами опять возник Валет. Голова закружилась, на лбу выступил пот.

– Извините, я не могу разговаривать, – прошептала я и отвернулась к окну.

Мужчина взял меня за руку и растерянно сказал:

– Очевидно, у вас большие неприятности. Вам плохо? Может, я смогу чем-то помочь?

– Вряд ли. Мне уже никто не может помочь.

Я замолчала, всем своим видом показывая, что не желаю продолжать разговор. Боже мой, что я наделала! И надо было мне согласиться передать этот дурацкий пакет! Хотелось выброситься из поезда, чтобы покончить с навалившимися проблемами раз и навсегда.

Примерно через час электричка подъехала к Москве. Я повернулась к своему бывшему пациенту. Он пристально смотрел на меня и грустно улыбался.

– Маша, я хотел бы вам помочь. Я понимаю, что у вас проблемы. Хотите, я угощу вас добротной порцией отменного джина? Поверьте, вам сразу полегчает.

– Я думаю, не стоит, у меня дома есть кое-что из спиртного.

– Маша, не отказывайтесь, я здесь недалеко живу. Совсем рядом с вокзалом. Меня зовут Дмитрий. Я думаю, нам мож-

но перейти на «ты». Все-таки я не такой старый.

Электричка остановилась. Мой новый знакомый взял меня за руку и повел к себе домой. Я шла, как зомби, почти не понимая, что творится вокруг.

Вскоре мы пришли в небольшую двухкомнатную квартир-ку. Дмитрий заботливо усадил меня в кресло и быстренько накрыл на стол. Я не сдержалась и в голос заревела. Дмитрий погладил меня по плечу и налил порцию джина. Я момен-тально осушила бокал, не притрагиваясь к закуске. Вскоре неприятная дрожь в руках и ногах стала слабее.

– Налей еще.

Не задавая лишних вопросов, Дмитрий наполнил мою рюмку. Я молча пила джин и смахивала набегавшие на глаза слезы.

– Маша, и все-таки чем я могу тебе помочь? – наконец нарушил он молчание.

Я почувствовала, что слегка захмелела. На душе стало легче.

– Ты мне и так уже помог. Если бы не ты, я бы, наверное, не добралась до дома.

– Я ездил к своему товарищу на дачу. Мой «жигуленок» сломался, пришлось возвращаться на электричке. Поднялся на платформу и глазам своим не поверил. Смотрю, стоит Ма-ша. Милая, нежная девочка, по которой вздыхала вся боль-ница. Только я тебя такой никогда не видел. Ты стояла блед-ная как смерть и с таким ужасом смотрела на подходившую

электричку, что я не на шутку испугался. Мне показалось, что сейчас ты бросишься на рельсы. Я не настаиваю на том, чтобы ты мне все рассказала, но я бы очень хотел облегчить твои страдания.

Выпив очередную порцию джина, я придирчиво осмотрела квартиру и пришла к выводу, что она очень даже ничего. Чистенькая, уютная, хотя невооруженным глазом видно, что порядок здесь поддерживает мужчина.

– Холостяк? – понимающе улыбнулась я.

– Вдовец, – вздохнул Дима. – Жена трагически погибла три года назад.

– Извини, – глухо произнесла я. – Я спрашиваю о том, о чем совершенно не должна была спрашивать.

– Ничего страшного. Ты можешь спрашивать обо всем, что тебя интересует.

Сделав большой глоток джина, я посмотрела на Диму и тихо сказала:

– Я убила человека.

– Что?!

– Перед тем как сесть в электричку, я убила человека.

– Ты в этом уверена?

– Вполне. Это случилось случайно. Я никого и никогда не убивала, – заревела я.

– Успокойся, – Дима прижал меня к себе и стал гладить по голове. – Успокойся. Может, все не так безнадежно. Жизнь очень хитрая штука. Иногда она заставляет нас делать та-

кие вещи, которые мы не хотим делать. Любому, даже самому страшному поступку всегда есть оправдание. Нужно спокойнее относиться к вещам подобного рода. Если ты кого-то убила, у тебя на то были причины.

– Ты не прав. Не я дала этому человеку жизнь, поэтому я не имею права ее отнимать! – закричала я. – Забрать жизнь может только Бог. Бог дал, Бог забрал – по-другому быть не должно!

– Глупости. Бога нет! Бог существует только для слабых. Сильные знают, что Бога нет. Нужно уметь жить без царя и Бога в голове. Это бред! Мы выживаем, мы боремся за место под солнцем, мы убиваем, наконец. Выживают сильнейшие.

– Ты хочешь сказать, что не осуждаешь меня за то, что я убийца? – пьяно произнесла я, смахивая слезы и глотая джин как воду.

– Ты посмотри на себя! Какая из тебя убийца?! Тебе бы манекенщицей где-нибудь работать! С такими ногами надо по подиуму ходить, а не по урологическому отделению! Тоже мне, убийца! Да ты, наверное, тяжелее шприца в руках ничего не держала!

– Не нужна я на подиуме. Сколько раз пыталась куда-нибудь устроиться! Никто не берет. В школе манекенщиц платное обучение, а у меня в кармане шаром покати. Я и долларов-то никогда почти не видела. В одном частном модельном агентстве вроде согласились взять, но директор сначала захотел посмотреть, какова я в постели. Да пошел он в баню,

козел! Я моделью хочу быть, а не проституткой... – Всхлипнув, я налила себе очередную порцию джина.

– Ничего, что я столько пью? – почему-то шепотом спросила я у Димы.

– Пей на здоровье. У меня еще есть, – улыбнулся он. – Мне кажется, в твоем состоянии лучше всего напиться. Только смотри не перебори, а то потом плохо будет.

– Хуже, чем сейчас, мне уже не будет. – Я допила бутылку и, пытаясь справиться с головокружением, прилегла на диван. Перед глазами возник Валет с пистолетом в руках, затем трое мордоворотов, лихорадочно перерывающих коттедж в поисках денег, затем Илья с его волосатой грудью и огромным бриллиантовым крестом на шее. Меня опять затрясло. Дима сел рядом и стал тихонько перебирать мои волосы. Я горестно всхлипнула и прижалась к нему.

– Хочешь, я расскажу тебе, как я его убила?

– Расскажи, – прошептал он.

– А началось все с того, что в нашей больнице появился Илья... – Сбиваясь и плача, я выложила все, закончив словами: – Пистолет я бросила в озеро, рядом со станцией Пески, за двадцать минут до электрички...

Дима смотрел куда-то мимо меня.

– Почему ты молчишь? Ты меня ненавидишь?

– За что?

– За то, что я убийца.

– Господи, какая же ты убийца! Ты жертва глупых обсто-

ательства, в которые попала случайно.

– Меня посадят? – тихо спросила я.

– Куда?

– В тюрьму, куда же еще?

– Нет, конечно. Признать человека виновным может только суд.

– А если суд признает меня виновной?

– Как же он может признать тебя виновной, если ты тут вообще ни при чем? С чего ты взяла, что тебя будут обвинять в убийстве? Лучший выход в твоей ситуации – это молчание. Молчи, и никто никогда не узнает, что это сделала ты. Даже если бы дело дошло до суда, твои действия признали бы правомерными. Ты оборонялась. Ты боролась за свою жизнь. Это случайная смерть. И вообще, ты ушла сразу, как уехали эти мордовороты. Неизвестно, что произошло дальше. Может, после тебя приехали другие и замочили этого Валета. Ты ушла и не знаешь, что было дальше. Тебя видел кто-нибудь из охраны?

– Да, только при входе в поселок, но охранник даже не поинтересовался, в какой дом я иду. А когда я возвращалась, у ворот никого не было. Никто не видел, как я выходила.

– Вот видишь, а ты переживала. Считай, что у тебя есть алиби.

– Алиби должен кто-то подтвердить.

– Я готов это сделать. Можешь рассчитывать на меня.

Я расширила глаза и с удивлением произнесла:

– Ты хочешь обеспечить мне алиби?!

– Конечно, хочу, иначе бы не предлагал. На любом суде я готов подтвердить, что в момент убийства ты была со мной. Мы сидели у моего друга и пили кофе.

– Спасибо, – прошептала я. – А как же Илья?

– Какой еще Илья?

– Тот самый больной, который попросил меня передать этот чертов сверток.

– Ничего страшного. Не надо никаких слез и истерик. Ты придешь на смену как ни в чем не бывало и начнешь работать. Своему Илье скажешь, что деньги передала и уехала первой электричкой. Если кто-то из его товарищей сообщит ему, что Валет убит, ты удивишься и пожмешь плечами. Вот и все.

– А про тех троих ничего не надо говорить?

– Конечно, нет. Зачем? Ты даже не заходила в дом. Ты передала деньги на крыльце, повернулась и ушла. И не вздумай откровенничать. С такими людьми нужно действовать их же методами. Мне вообще непонятно, почему он попросил передать деньги именно тебя.

– Говорит, что больше никому не доверяет.

– Бред! С чего это вдруг он доверился тебе, зная тебя всего один день? Тут что-то не то. Сделай, как я тебе сказал.

– Спасибо за алиби, – прошептала я и стала стягивать с себя майку.

Обнажив грудь, я притянула Диму к себе и жадно поце-

ловала.

Он вырвался и, тяжело дыша, спросил:

– Ты что творишь?

– Я тебя хочу, – улыбнулась я и расстегнула джинсы.

Дмитрий заметно побледнел и повторил свой вопрос:

– Маша, ты что творишь?!

– Я хочу отблагодарить тебя за алиби, – просто сказала я и постаралась притянуть его к себе.

Дима резко вскочил и подошел к окну. Затем обернулся и холодно произнес:

– Одевайся!

– Почему?

– Если я обеспечил тебе алиби, это не значит, что ты должна отблагодарить меня таким способом.

– Ты хочешь денег?! Но у меня нет ни гроша!

– Дура ты! Оденься, ради бога. Мне ничего от тебя не надо. Ты красивая девушка. Я просто хотел тебе помочь. Это безвозмездная помощь, пойми. Я не хочу с тобой спать. По крайней мере, в знак благодарности с твоей стороны.

Я встала и моментально оделась. Затем села на стул и прошептала:

– Извини.

– Давай забудем, – улыбнулся Дима. – Словно ничего не было. Все нормально. Во всем виновато твое состояние.

– Мне пора.

– Я не могу отпустить тебя в таком виде. Ты, кажется, пе-

ребрала. Ложись спать у меня. Тебя никто не тронет. Тебе нужно выспаться как следует.

Я послушно кивнула и вернулась на прежнее место, затем посмотрела на Дмитрия и постаралась выдавить улыбку.

– Я соглашусь только в том случае, если у тебя найдется хоть немного джина. Эта бутылка пуста.

– Так и быть, достану еще одну, – засмеялся мой новый знакомый.

Я с благодарностью взглянула на него и, потянувшись, сказала:

– Тогда тащи. Я буду пить лежа.

Дима принес новую бутылку. Я с удовольствием выпила полный бокал и почувствовала, что сейчас засну.

– Ты не против, если я немного вздремну? – прошептала я и закрыла глаза.

Дима сел рядом и стал гладить меня по голове как маленькую.

– Спи, моя милая девочка, спи. Тебе столько довелось пережить, но теперь все это позади.

Я улыбнулась и наконец уснула.

Проснулась я от того, что кто-то держал меня за руку и нежно перебирал пальцы. Открыв глаза, я увидела Диму. Удивленно пожав плечами, спросила:

– Ты что, не спал всю ночь и сидел рядом со мной?

– Сидел.

– Ты что, даже глаз не сомкнул?

– Я просто смотрел на тебя. Ты очень красивая.

– Я похожа на мать. Отец всегда говорил, что я похожа на мать.

– Наверное, твоя мама очень волновалась, что ты не ночевала дома?

– Нет, за меня уже давно никто не волнуется. Моя мама покончила с собой, когда я была совсем маленькой. Отец не смог этого пережить. Сначала он пил, затем попал в психиатрическую лечебницу и там умер. Но мне кажется, что он умер от одиночества, болезнь здесь ни при чем. Они с мамой так сильно любили друг друга, что не расставались ни на минуту. Отец никогда меня не любил. Он вообще никого не любил, кроме мамы.

– Извини. – Дима опустил глаза и нечаянно зевнул.

– Ты, кажется, хочешь спать? – спросила я. – Конечно, ты ведь не спал всю ночь. Ложись. Мне пора домой.

– Подожди. Давай по чашечке кофе.

– Давай. – Я быстро вскочила с дивана и взбила волосы.

Дима сварил кофе. Я села в кресло и принялась смаковать крепкий напиток. От выпитого накануне джина слегка мутило и кружилась голова.

– Как ты себя чувствуешь?

– Паршиво.

– Бери себя в руки и не забывай, что у тебя есть алиби. Самое главное, не подавай виду, что что-то произошло. Договорились?

– Договорились.

– Тогда вот тебе номера, по которым ты сможешь меня разыскать.

Дима протянул мне листок бумаги, на котором аккуратным почерком были написаны два телефонных номера.

– Это домашний, а это рабочий, – пояснил он. Я сложила листочек и сунула его в карман. Затем посмотрела на Диму и чуть слышно спросила:

– Кстати, а где ты работаешь?

– Думаю, что тебе это неинтересно. Обычный инженер в строительной фирме.

Попрощавшись с новым знакомым, я добралась до дома и попыталась спокойно прокрутить в голове все события, которые со мной произошли. На душе было муторно, голова болела. Я покрутила в руках фотографию мамы, взяла плюшевого медведя, подаренного отцом, и прилегла на диван.

Если бы мама была жива, я бы обязательно ей все рассказала. Она бы помогла. Родители всегда помогают детям в трудную минуту. Тысячу раз я задаю себе один и тот же вопрос: что заставило ее уйти из жизни?! Какие обстоятельства могли ее к этому подтолкнуть?! Если бы мама была жива, моя жизнь обязательно сложилась бы по-другому. Я бы поступила в институт, удачно вышла замуж и не торчала бы в этой ненавистной процедурке. Нельзя уходить из жизни, не думая о детях. Ведь я, по сути, так и осталась ребенком, пусть взрослым, но все же ребенком. Ребенком, который хо-

чет тепла, материнской любви и ласки.

Неожиданно зазвонил телефон. Я вздрогнула и сняла трубку. Сердце лихорадочно застучало.

– Привет. Я просто хотел поинтересоваться, как ты добралась?

Услышав Димкин голос, спокойно вздохнула:

– Нормально.

– Ты плачешь?

– Тебе показалось.

– Не буду тебе надоедать. Если будет трудно, звони, я приеду в любую минуту.

– Спасибо. – Я смахнула слезы и положила трубку.

Нужно взять себя в руки. Я сильная, я справлюсь. Я обязательно справлюсь!

Глава 5

Следующие сутки пролетели незаметно. Я слегка отошла и прекрасно себя чувствовала. Я не убийца. Убивает тот, кто хочет убить, а я никого не хотела убивать, это во-первых, а во-вторых – у меня есть твердое алиби.

Наступил день выхода на работу. Честно говоря, я дождалась его с большим трудом, потому что хотела услышать, что скажет Илья. Надев свой лучший костюм и туфли на высоких каблуках, я посмотрела на себя в зеркало и подмигнула собственному отражению. Самое главное – нравиться самой себе, остальное пойдет как по маслу!

Переступив порог больницы, я почувствовала предательскую дрожь в коленях и легкое головокружение. В коридоре меня встретила Танька. Оглядев меня, она удивленно воскликнула:

– Ну, подруга, ты даешь! Ты что, в ресторан собралась? Выглядишь потрясающе, только на работу так не ходят. Тебе бы не в процедурном кабинете стоять, а по подиуму ходить!

– Кому я нужна на твоём подиуме? Там таких, как я, целая гвардия дефилирует. Если все будут по подиуму ходить, больницу закрыть придется. Пусть тогда наши бедолаги сами себя лечат.

– Не бойсь, подруга, я бы за тебя поработала. Просто тебя жалко. Такая красота пропадает!

– Ладно, Танька, родина тебя не забудет, – засмеялась я. – Только ты не прибежняйся, за тобой тоже мужики ухлестывают будь здоров!

– У тебя с ним серьезно? – неожиданно спросила она.

– С кем? – не поняла я.

– С бандитом этим, будь он неладен, с кем же еще!

– У меня с ним вообще ничего нет.

– Тогда для кого весь этот карнавал? Не для Петровича же! У него зарплата такая, что самому на хлеб не хватает. Анастезист рожей не вышел: врожденное косоглазие. Остальные – в годах.

– Для себя. Красивая женщина должна красиво одеваться, – выпалила я, подмигнув Таньке.

– Так-то оно так. Только ты мне мозги не пудри! На какие шиши ты собралась красиво одеваться? Думаешь, я не знаю, что у тебя, кроме этого парадно-выгребного костюма, ничего приличного нет? Раньше ты этот костюм только в кабаке надевала!

– Ладно, Танька, мне некогда. Я уже и так опаздываю.

– Дуй к своему бандиту. Кстати, а где ты была эти два дня? Ты что трубку не берешь? Я тебе постоянно звонила!

– У меня телефон сломался, – соврала я и пошла в отделение.

Заметив меня, больные повыскакивали в коридор и стали с восхищением здороваться. Проходя мимо палаты люкс, я почувствовала, как защемило сердце. Дверь открылась, на

пороге появился Илья. Окинув меня нахальным взглядом, он громко присвистнул:

– Ну ты даешь! словно с обложки журнала!

– Спасибо. Сегодня я просто утонула в комплиментах, – с трудом выдавила я улыбку.

– Я тебя сразу и не узнал. Думаю, к какому уроду пришла такая потрясная телка, а выходит, что этим уродом оказался я.

– Во-первых, я не телка, во-вторых, я пришла не к тебе, а на работу. В-третьих, мне некогда. Я должна переодеться.

– Жду не дождусь, когда ты наденешь свой сверхсексапильный халатик.

– Мой халатик не сексапильный, а медицинский. Улавливаешь разницу?

– Ты даже не представляешь, как бы я хотел отыметь тебя в этом халатике, – улыбнулся Илья.

Я побагровела от злости и хотела было дать этому нахалу хорошую пощечину, но моментально остыла и решила перевести все в шутку:

– Думаю, что с твоим яйцом этого делать не стоит.

– А мне, между прочим, стало лучше.

– Ты хочешь сказать, что тебя скоро выпишут? – испугалась я.

– Я же не виноват, что в вашем отделении так хорошо лечат. Яйцо уменьшается на глазах. Прямо чудеса какие-то!

Я пожала плечами и пошла в раздевалку.

– Маша! – окликнул меня Илья. – Ты передала, что я просил?

– Да, сразу, как и обещала. – Я попыталась сделать безразличное лицо и поняла, что мне это удалось. – Валет взял сверток и сердечно тебя поблагодарил.

Я пошла по коридору, умышленно покачивая бедрами, спиной чувствуя пристальный взгляд Ильи. Вскоре в процедуру потянулись больные. Илья пришел на укол самым последним и без приглашения уселся на стул.

– У тебя, по-моему, внутривенный. – Я посмотрела в тетрадь и стала перетягивать руку жгутом. Илья откашлялся и спросил:

– Как ты добралась до поселка?

– На электричке.

– В дом входила?

– Больно надо! Передала сверток на крыльце и ушла.

– Сразу?

– Сразу. По дороге случайно встретила своего приятеля, и мы вместе уехали в Москву.

– Где ты встретила приятеля?

– В Песках, где же еще.

– Как тебе Валет?

– Не знаю. Я его толком не разглядела.

– Он тебе что-нибудь сказал?

– Ничего. Молча взял сверток, и все. Мне сразу захотелось спросить: почему у тебя такой молчаливый товарищ?

Илья поднял голову и тяжело дышал. Наши взгляды пересеклись. Я положила шприц на стол и тихо спросила:

- Почему ты так на меня смотришь? Что-то не так?
- Просто мне кажется, ты что-то не договариваешь...
- Я сказала тебе все. Мне больше нечего добавить.

Илья задумался, затем еще раз посмотрел на меня и глухо произнес:

– Мне позвонили сегодня утром. Валет погиб. Его застрелили.

Я округлила глаза и схватилась за щеки, подумав о том, что во мне погибла великая актриса.

- Что ты сказал?!
- Валет погиб. Его застрелили.
- Когда?
- Вчера.

– Боже мой! Я не знала твоего Валета, но все же мне жаль, что так произошло. Такой молодой! Он был женат? У него есть дети?

– Он одинок, – не отрывая взгляда от меня, произнес Илья.

– Все равно жаль. Надо же, и когда только успели?!

- Маша, ты мне все рассказала? Может, ты что-то заметила и не хочешь мне довериться? Я твой друг. Не бойся меня.
- Я ничего не видела, клянусь.

В процедурку зашла баба Люба и прервала наш разговор. Илья вышел, а я подошла к окну и посмотрела вниз.

К больнице подъехал навороченный джип, из которого вышли несколько мужчин. Немного постояв, они направились к входу. Я быстро отскочила от окна и села на стул.

– Машенька, тебе плохо? – испугалась баба Люба.

– Погода, наверное. Говорят, сегодня неблагоприятный день.

– И мне тоже нездоровится. Скорее бы вечер. Отведаешь моей самогоночки – сразу полегчает.

– Ой, баба Люба, ты же нас споишь!

– Глупости! Я смотрю, к тебе таки клеится этот бандюга проклятый. Все отделение уже шепчется. Только пусть знает, что не по Сеньке шапка. Таких бандюг тысячи, а Маша у нас одна.

– В том-то и дело, баба Люба, что таких Маш тысячи. Ходят голодные, холодные и ждут принца на белом коне. Им даже надеть нечего. А таких хозяев жизни, как наш больной – сытых, холеных, богатых, – очень мало. На каждую Машу не хватит. Получается сто Маш на одного богача.

– Что ты говоришь такое, девочка?! Не пара он тебе вовсе. У тебя на роду прекрасная судьба написана. Сходи на могилу матери. Она тоже твой выбор не одобрит. А этого пустослова близко к сердцу не бери. Он от скуки на тебя свои бесстыжие глаза пялит, чтоб у него яйца отсохли! Пока ты на выходных была, к нему опять эта краля приезжала. Два раза.

– Это та, что ноги от ушей?

– Она самая.

– Он ей не доверяет. По крайней мере, мне так сказал.

– Вот гад! Совсем совести нет! Он с ней в своей палате на полдня закрылся! Я хотела полы помыть – не пустил. Все уколы пропустил, даже врачу не открыл. А когда вышел, так еще мне и высказал. Ты, говорит, старая, какого хрена ломишься? Когда я со своей любимой женщиной наедине остаюсь, нечего стучаться! Пообещал мне в следующий раз голову отвернуть, чтобы я его не тревожила.

Я почувствовала неприятный укол ревности, на лбу выступили капельки пота. Вот это да! Я поперлась в этот дурацкий поселок, рискуя собственной жизнью, попала в препаршивую историю, чуть было не рехнулась от переживаний – и все это для того, чтобы этот придурок закрывался со своей красавицей?!

– Он и вправду назвал эту женщину любимой?

– Вот тебе крест, – закивала баба Люба. – Не бери этого козла в голову, девочка. Он не даст тебе ничего путного, а оттрахать каждый может.

Я опустила глаза и вышла из процедуры. Работы, к счастью, было предостаточно. Ближе к вечеру я зашла к Илье в палату, закрыв за собой дверь.

– Какого черта ты послал меня с этими деньгами? – с порога начала я.

Илья поднял голову и тихо сказал:

– Маша, ты что?! Я тебя никуда не посылал. Я просто попросил тебя оказать мне услугу. Мне кажется, ты должна

чувствовать разницу.

– Хорошо, – выдавила я и тяжело вздохнула. – Тогда какого черта ты попросил об этой услуге именно меня?!

– Наверное, потому, что я тебе доверяю.

– Только не думай, что я тебе поверила! – разозлилась я. – Как ты можешь мне доверять, если знаешь меня всего один день?!

– Мне показалось, что ты порядочная девушка.

– А та, которая к тебе приезжает и с которой ты так долго уединяешься в палате, непорядочная?!

– Так вот, оказывается, в чем дело, – улыбнулся Илья. – А я-то сразу и не понял. Да ты просто меня ревнуешь!

– Дурак! Ты слишком высокого мнения о себе!

– Может быть, но тем не менее это так. Ты просто влюбилась, Машенька, влюбилась, как маленькая девочка.

Илья стал медленно приближаться ко мне. Я вжалась в стенку. В животе приятно заныло, губы раскрылись навстречу его поцелуям. Тело жаждало ласк – грубых, безумных, ради которых можно отдать все.

Когда Илья запустил руку под мой халат, я, на минуту опомнившись, попыталась его оттолкнуть, но руки против воли обняли могучую шею. Он прижал меня к стене и одним движением разорвал тоненькие трусики. Всклипнув, я принялась расстегивать пуговицы на его пижаме. Илья улыбнулся, сбросил с себя шелковые брюки и фирменные плавки. Дальше все было как во сне. Мне ужасно хотелось этого наг-

лого и похотливого самца, и он превзошел все мои ожидания...

Когда все закончилось, я, совершенно обессиленная, опустилась на пол. Илья, поцеловав меня, ушел в ванную комнату, закрыв за собой дверь. Прошло около пяти минут, но он не появлялся. Мне стало стыдно. Быстро поднявшись, я запахнула халатик и выбежала в коридор. Слава богу, в отделении никого не было. В раздевалке я разрыдалась. Господи, так низко пасть! Отдаться незнакомому человеку прямо в больничной палате! Господи, стыд-то какой! Отец прав. Наверное, я действительно похожа на мать. После ее смерти он не уставал повторять, что мама была грязной потаскухой. Я никогда не верила ему, а теперь знаю, что это так. Ведь мы с ней похожи, похожи во всем. Я ничем не отличаюсь от нее. Правда, я не смогу покончить с собой. Это мне не по силам. Я трусиха. Обычная трусиха.

Если бы мама осталась жива, все было бы по-другому. Она бы научила меня, как вести себя с мужчинами. Страшно даже подумать, но Илья всего лишь второй мужчина в моей жизни. Про мужа я все наврала. У меня никогда не было особых побед на любовном фронте. Мой первый мужчина встречался со мной ровно две недели, а затем исчез. Я нашла его и попыталась выяснить, в чем дело, но он засмеялся и сказал, что ему нужна женщина, имеющая деньги и прочно стоящая на ногах. Наверное, именно с той минуты я возненавидела нищету и свое социальное положение. Однажды

я увидела его в иномарке, за рулем которой сидела молодая привлекательная дама, курившая дорогую тоненькую сигарету. Проревев сутки, я дала себе зарок не обращать на мужчин никакого внимания, а на своей личной жизни поставила жирный крест. Единственное, чего мне хотелось, так это денег. Если бы я имела много денег, все было бы совсем по-другому...

Я переодела халат и посмотрела на себя в зеркало. Мне казалось, что тело мое пропахло Ильей. Этот запах преследовал меня, против воли вызывая желание.

Услышав стук в дверь, я поправила волосы и открыла дверь. Передо мной стоял улыбающийся Илья.

– Что произошло? – пытаюсь придать голосу безразличие, спросила я.

– Ничего, – пожал плечами он. – Ничего, за исключением того, что я тебя трахнул.

Я взорвалась:

– Послушай, ты зачем приперся? Что тебе надо?! Уколы давно закончились! Больше я ничем не могу тебе помочь! Следующие уколы назначены на утро. Поэтому ровно в десять изволь стоять в процедурном кабинете со спущенными штанами, подставив свою ягодицу!!!

– Маша, ну что ты завелась! Я тебя про уколы не спрашиваю. Штаны могу спустить намного раньше. Зачем дожидаться десяти часов? У нас впереди целая ночь! Чувствую я себя намного лучше, яйцо больше не ломит, так что особых

причин для беспокойства нет.

Я залилась краской и вlepила Илье звонкую пощечину. Он недоуменно посмотрел на меня и испуганно сказал:

– Ты что, дура, что ли?! Что я тебе плохого сделал?! Ты, по-моему, сама была не против. Полчаса назад произошло то, чего мы вместе уже давно хотели.

– Пошел вон, придурок! – крикнула я. – Пошел вон в свою палату! Чтоб твое яйцо хирург ампутировал!

– Ты почему так разозлилась?

– Пошел вон, – выдохнула я и вытолкала Илью в коридор.

Закрыв дверь раздевалки, я прилегла на кушетку, укрывшись стареньким пледом, который валялся здесь с незапамятных времен. Вскоре меня потянуло в сон. Мне приснилась мама. Я шла по улице и случайно увидела ее в толпе. Она была похожа на меня, будто мы с ней подружки-ровесницы, сестры, неразличимые как две капли воды. Я громко крикнула:

«Мама!» – и побежала ей навстречу. Увидев меня, мама обернулась, смахнула набежавшие слезы и приветливо распахнула руки, чтобы обнять меня. Я бросилась к ней на шею и громко заплакала. «Господи, что же ты наделала, мамочка! Зачем ты ушла? Если бы только знала, как мне не хватало тебя! Меня никогда и никто не любил все это время. Знаешь, как это страшно, когда тебя никто не любит. Это очень страшно, мама! Ты даже не представляешь, как это страшно! Я одна, совсем одна, мама! Обещай, что ты никогда ме-

ня не оставишь! Обещай, что ты будешь меня любить точно так же, как другие любят своих дочерей». Мама улыбнулась, затем оттолкнула меня от себя и быстро пошла прочь. Я побежала за ней, но вскоре она исчезла в толпе, и я потеряла ее из виду. Мне хотелось сесть прямо на землю, обхватить голову руками и громко закричать. Только бы добраться до дома, взять плюшевого медведя и крепко прижать к себе...

Глава 6

Громко зазвенел будильник. Я с трудом открыла глаза. Вставать не хотелось, но надо было разносить градусники, делать уколы, собирать анализы – в общем, заниматься привычными делами.

В девять часов я сдала смену и поехала домой. Илья так и не появился. Наверное, спал.

Эти выходные были самыми длинными в моей жизни. Я постоянно смотрела на часы, подгоняя стрелки вперед. Смешно! Я не любила свою работу, а теперь не могу дождаться, когда смогу к ней приступить.

Интересно, Илья вспоминал обо мне хотя бы раз? Может, он ждет моего выхода ничуть не меньше, чем я сама? В глубине души я верила в это. Даже убийство отступило на второй план. Все мои мысли, чувства, фантазии были подчинены только Илье.

Кажется, я и в самом деле влюбилась как девчонка. Мне хотелось прижаться к Илье и честно рассказать ему все, что произошло в коттедже. Останавливали слова, сказанные Дмитрием: «Не вздумай ничего говорить своему Илье. Это может кончиться плачевно для тебя. Я вообще не понимаю, зачем он послал тебя с такой суммой в Пески. Тут что-то не так».

Через два дня я вновь надела свой единственный костюм

и отправилась на работу. В отделении было тихо. Больные ушли в столовую на завтрак. С замиранием сердца я прошла мимо палаты люкс, стараясь понять, что там происходит. За дверью было тихо. Переодевшись, я стала готовиться к уколам. Через минуту в процедурку зашел Петрович. Игриво подмигнув мне, он покрутил бутылкой дорогого коньяка.

– Что это, Петрович? – поинтересовалась я.

– Коньяк. Сегодня вечером я угощаю. Такой ты еще точно не пила!

– Ты что, разбогател? Тебе, по-моему, на сигареты раньше не хватало. Не от хорошей жизни у пациентов «Яву» стреляешь.

– Я же не на свои покупал, – обиделся Петрович. – С чего я разбогатею, ежели работаю врачом в государственной больнице? Кто на государство пашет, тот и живет по-государственному. Я в общественном транспорте зайцем езжу, а ты про коньяк загнула!

– Тогда где же ты его взял?

– Бандюга с крестом подарил.

Услышав про Илью, я почувствовала, как на спине выступил холодный пот.

– Слушай, Петрович, а с чего это он тебя так балует? – стараясь казаться беззаботной, спросила я.

– Это он в честь выписки.

– В честь какой выписки?

– Обыкновенной.

– Его что, скоро выписывают? – пожала плечами я.

– Его вчера выписали.

– Как?! – Мне показалось, что земля ушла из-под ног. – Как это выписали? – переспросила я, не узнав своего голоса.

– Ты, Маша, какие-то странные вопросы задаешь, – усмехнулся Петрович. – Ему по-хорошему еще неделю надо было лежать, но он сказал, что уже здоров и не нуждается в медицинской помощи. Написал расписку, подарил мне бутылку коньяка и укатил с другими бандюгами на огромном джипе.

– И все?

– И все. Ты, Маша, что-то побледнела. Неужто тебе этот хулиган так приглянулся?

– Глупости, – покраснела я. – Просто как-то быстро он выписался. Еще курс лечения не прошел.

– Он мне по секрету сказал, что с яйцом у него полный порядок, – засмеялся Петрович и сунул бутылку в холодильник. – Так что сегодня вечером сабантуй. Побольше бы таких больных! Теперь неизвестно, когда еще раз такой подвернется.

Когда Петрович ушел, я взяла ключ от палаты люкс и зашла внутрь. Лучше бы я этого не делала! Ничем не прикрытый матрас и выключенный из розетки холодильник навевали тоску. Захотелось плакать, нет, не плакать – рыдать, биться головой об стену, выть, катаясь по полу, словно это что-то могло изменить. Вот оно – наказание за мою собственную глупость и слабость!

Выбежав из палаты, я вернулась в процедурку и позвала больных на уколы. Несколько раз забежала Танька, пытаюсь утешить меня:

– Послушай, Машка, постарайся взять себя в руки. На тебе лица нет. Так можно себя до болезни довести. Что ты от него хотела! С самого начала и так было понятно, что он никогда на тебе не женится.

– Танька, уйди, и так тошно! – не сдержалась я и указала ей на дверь.

Танька надулась и ушла в свое отделение. Вечером, сославшись на головную боль, на сабантуй я не пошла. Пить коньяк, да еще подаренный Ильей, не хотелось. Взяв книгу, я удобно устроилась в кресле и попыталась вникнуть в суть написанного. Строчки плясали перед глазами и никак не хотели складываться в слова. Около полуночи, проверив больных, я пошла спать. Утром, закончив дежурство, переоделась и в подавленном настроении спустилась вниз.

– Машенька, ты что хмурая такая? – спросил меня знакомый врач.

– Да так, не выспалась что-то, пойду домой отдохнуть.

Открыв дверь, я вздрогнула и остановилась как вкопанная. К выщербленным ступенькам больницы подкатил шикарный «Линкольн» с закругленными фарами. Из «Линкольна» вышел Илья с огромным букетом алых роз в руках. Он был одет в дорогой костюм красивого темно-синего цвета. Я тряхнула головой. Может быть, это сон или просто судьба

решила сыграть со мной очередную жестокую шутку? А может, наш вчерашний пациент решил посмеяться надо мной? Вконец растерявшись, я попятилась к спасительному входу в приемный покой. Илья, по-хамски оглядев меня с головы до ног, одобрительно присвистнул. Затем поправил галстук и торжественно протянул мне восхитительно пахнувшие цветы.

– Что это? – дрожащим голосом спросила я.

– Розы, – засмеялся Илья.

– Кому?

– Тебе, конечно, кому же еще!

– Мне?

– Тебе. Я к тебе приехал. Ты что, Маша, разве не поняла?

Я глубоко вздохнула, прижала к груди букет и оглянулась на больничные окна. Из ординаторской на нас смотрел Петрович. Баба Люба с Танькой застыли в коридоре. Видок у них был еще тот! Отвернувшись, я вновь встретилась глазами с Ильей.

– Понюхай, здорово пахнут? Я самые лучшие выбирал.

– Знаешь, мне никогда и никто не дарил цветы.

– Тебе приятно?

– Я даже не знала, что может быть так приятно!

– Ладно, Маш, садись в машину. Поедем в ресторан, там ты мне все и расскажешь, а то сейчас какой-нибудь любопытный из окна вывалится. Уставились, как твари!

– Пусть смотрят, им же интересно. Такие пациенты в на-

шей больнице не каждый день лежат, а уж тем более не дарят такие букеты медсестрам.

– Маш, садись в машину. Я не могу общаться под чуткими взглядами твоих сослуживцев.

– В больнице для тебя не существовало ни преград, ни запретов. Тебе было наплевать, кто там на тебя смотрит.

– Теперь я уже не в больнице.

– Что-то изменилось?

– Маш, хватит дурить. Садись в машину и поехали. По дороге обо всем поговорим.

– Может быть, ты меня стыдишься? Так скажи, я пойму.

– Если бы я тебя стыдился, то никогда бы сюда не приехал.

– Так зачем же ты приехал? – не унималась я.

Согнав с лица улыбку, Илья со злостью покосился на окна и сквозь зубы процедил:

– Я очень тебя прошу, Маша. Садись в машину и давай побыстрее отъедем отсюда. Перестань выпендриваться! К тебе не каждый день такие мужики на таких тачках и с такими цветами приезжают. Лови момент!

С сожалением посмотрев на букет, я швырнула его на землю, а затем обернулась на больничные окна. Зачем я это сделала, не знаю, должно быть, искала одобрения. Баба Люба, Петрович и Танька захлопали в ладоши, призывая меня держать в том же духе. Илья покраснел так, что от него впору было прикуривать. Похоже, от меня он такого не ожидал. Отвернувшись, я гордо зашагала по направлению к ближай-

шей остановке, подчеркнуто беззаботно размахивая сумочкой. Автобуса, естественно, не было. Пытаясь отвлечься, я принялась изучать доску объявлений. Позади раздался громкий сигнал. Вздвогнув, я увидела все тот же «Линкольн». Илья вышел на тротуар и подошел ко мне.

– Букет в машине. Я его поднял, мы люди не гордые, нам лишний раз наклониться не трудно. Садись, поехали, а то там на нас глазела вся больница, а здесь будет глазеть вся остановка. Ты что, не с той ноги встала, что ли?

– Предупреждать надо, когда выписываешься.

– Понятно теперь, отчего ты так злишься.

– Ничего я не злюсь. Просто мне казалось, что ты уже никогда за мной не приедешь.

– Ты ошиблась.

Я обошла машину, открыла дверь и села на переднее сиденье. Илья плавно надавил на газ, и машина тронулась. В салоне одуряюще пахло розами.

– Что ж ты такими цветами бросаешься? – обиженно спросил Илья.

– А что ж ты таких девушек за нос вздумал водить? – парировала я.

– Ладно, мы квиты. Как ты посмотришь на то, чтобы поехать со мной вечером в ресторан?

– Положительно. Только что мы будем делать до вечера?

– Заедем к тебе, и ты угостишь меня хорошим кофе.

Опустив глаза, я задумалась. Илья, почувствовав мое за-

мешательство, тихо сказал:

– Если ты не хочешь приглашать меня к себе в гости, то я и не настаиваю. Давай встретимся вечером, а сейчас я могу довести тебя до дома и сразу уехать.

– Дело не в этом.

– Тогда в чем же?

– Понимаешь, моя квартира совсем не похожа на палату люкс, в которой ты лежал. Я живу довольно скромно. Скорее всего, тебе у меня не понравится.

– Я еду смотреть на тебя, а не на твою квартиру. Мне интересна ты, а не те условия, в которых ты проживаешь.

– Тогда поехали, – улыбнулась я и посмотрела на себя в зеркальце.

Мы приехали ко мне. Я сварила кофе и села напротив Ильи. Между нами стоял огромный букет роз, с трудом уместившийся в вазу. Я смотрела на розы и слегка улыбалась.

– Нравится? – поинтересовался Илья.

– Очень.

– Тогда зачем ты его на землю швырнула?

– Прости. Я и сама не знаю, что со мной происходит.

– А что тут непонятного? Я тебя сразу вычислил: влюбилась ты в меня как ненормальная. Вот и бесишься.

Я покраснела до кончиков ушей и почувствовала себя так мерзко, словно меня окунули в глубокую яму с помоями.

– Тебе показалось, – с трудом выдавила я.

– Что именно?

– Ты слишком высокого мнения о себе. Меня никогда не привлекали такие мужчины, как ты.

– А чем я, собственно, тебе не нравлюсь? – усмехнулся Илья.

– Тем, что ты хам!

– И давно ты пришла к такому выводу?

– Как только тебя увидела.

Илья отставил чашку, подошел ко мне и положил голову мне на колени.

– Я не хотел тебя обидеть, Машенька. Извини. Просто у меня иногда срываются резкие выражения. У меня хамские шуточки, я знаю. Я и так стараюсь быть при тебе повежливее.

Я обхватила руками его голову и поцеловала в лоб.

– Ничего страшного. Я сама во всем виновата. Отдалась первому встречному прямо в больнице. Даже страшно подумать, до чего докатилась.

– Ты не докатилась. Ты сделала то, что уже давно хотела. Не забывай, что я тоже этого хотел.

Илья поднял голову и страстно поцеловал меня в губы. Я тяжело задышала и даже не подумала сопротивляться, когда он подхватил меня на руки и понес на кровать.

Когда все закончилось, я смахнула рукой пот со лба Ильи и лениво потянулась. Илья улыбнулся, прижал меня к себе и посмотрел на часы.

– Машенька, повторяю свой вопрос: как ты согласишься на то, чтобы пообедать в ресторане?

– Положительно.

– А когда ты была в ресторане последний раз?

– Даже не помню. Кажется, на 8 марта. Еще на День медика. Я вообще не люблю ходить по ресторанам. Вокруг пьяные рожи и хамские взгляды.

– Я поведу тебя в приличный ресторан, где нет хамских взглядов и пьяных рож. Это ресторан высшего класса, где обслуживание не уступает европейскому.

– Представляю, какие там цены. Наверное, тоже европейские! – засмеялась я.

– О ценах не думай. Слава богу, у меня нет проблем с деньгами. Мы поедем в центр. Машка, ты когда-нибудь видела Москву с высоты птичьего полета?

– Нет.

– Считай, что тебе повезло. С двадцатого этажа гостиницы «Интурист» открывается потрясающий вид.

– А мы поедем в «Интурист»?

– Да.

– Я никогда не была в «Интуристе». Мне всегда казалось, что туда ходят только проститутки.

– Глупости. Там собираются вполне достойные люди, которые любят вкусно и сытно пообедать. А хороших ресторанов в «Интуристе» предостаточно. Там везде прекрасная кухня и безупречный сервис. Тем более сегодня пятница.

– А при чем тут пятница?

– По пятницам и субботам в ресторанах «Интуриста» зву-

чит живая музыка. Собирайся, поехали.

Я встала с кровати, подошла к шкафу и с унынием открыла дверцу. Моему взору предстали убогие платья и юбки, купленные на рынке. Илья подошел и обнял меня за плечи.

– Ты ищешь, что надеть? – поинтересовался он, с усмешкой оглядывая мои наряды.

– А что тут искать? Сам видишь, какой выбор. В таком тряпье не только в «Интурист», даже в столовую пойти стыдно.

– Ну, со столовой ты уж совсем загнула. Не прибедняйся. Для столовой эти наряды будут в самый раз. Даже не знаю, что с тобой делать. Поехали в магазин.

– Зачем?

– Покупать приличный костюм. Ты ведь не пойдешь в ресторан в таком прикиде?

Я быстро натянула майку и джинсы. Мы спустились вниз и сели в машину. Когда Илья завел мотор, я, опустив глаза, тихо спросила:

– Послушай, а в какой магазин мы едем?

– В фирменный, разумеется. А ты что так напряглась?

– Не знаю. Неловко как-то. Чувствую себя как последняя идиотка.

– Это почему?

– Просто как-то унижительно все это.

– Унижительно то, что я хочу подарить тебе приличный костюм? Мне это в радость, поверь.

– Я могла бы приготовить обед дома. Вовсе не обязательно ехать в твой ресторан. Остались бы у меня, и дорогой наряд не пришлось бы покупать.

– Да не заикливайся ты на этом! Я же тебе сказал, что мне в кайф подарить тебе приличный костюм. Красивая женщина должна одеваться красиво.

– Тогда поехали на барахолку. Там подешевле.

Илья недоуменно посмотрел на меня и покрутил пальцем у виска.

– Послушай, Маша, ты чего такая трудная? Давай бросай свои комплексы! Я никогда не дарю женщинам вещи, купленные на барахолках. Я не признаю подделок. Мне нравятся только оригиналы.

– Между прочим, на рынке можно купить довольно качественную подделку. Черта с два отличишь! Да и разница в цене ощутимая.

Илья положил руку мне на плечо и громко сказал:

– Маша, давай договоримся раз и навсегда. Когда ты будешь одна, можешь покупать одежду где тебе вздумается. Но при мне изволь одеваться в фирменных магазинах.

Я замолчала и отвернулась к окну. Вскоре мы подъехали к дорогому фирменному бутику и вышли из машины. Я зашла в торговый зал, опустив глаза, стараясь не обращать внимания на наглых продавщиц, с интересом разглядывающих моего спутника.

Все последующие события напомнили мне сюжет из

фильма «Красотка» с Джулией Робертс в главной роли. Отличие было лишь в том, что ей покупали сумасшедший гардероб, а мне – одно-единственное платье и туфли. Я переделалась за ширмой, сунула старую одежду в пакет и вышла к Илье. Он придиричиво осмотрел меня с головы до ног, затем одобрительно кивнул и сказал:

– Вот это другое дело. Теперь хоть на человека стала похожа. Ты выглядишь сногсшибательно!

Я улыбнулась и пошла к машине. Илья расплатился и выбежал следом. Единственное, что угнетало меня в этой ситуации, так это чувство собственной неполноценности. Мне было стыдно, что я такая. Во всем виновата эта проклятая нищета! Мне хотелось быть с Ильей на равных. Красиво одеваться, расплачиваться за себя в ресторане... Но моей зарплаты не хватило бы даже на самый паршивый бар, не говоря уже о каком-нибудь мало-мальски приличном кабаке.

– Машка, ну что ты в самом деле? Ты выглядишь потрясно. Отбрось свои комплексы, – попытался расшевелить меня Илья.

Я оглядела свой наряд и тихо произнесла:

– Спасибо.

– На здоровье, – засмеялся он и чмокнул меня в щеку.

Мы подъехали к «Интуристу». Я вышла и почувствовала, как забилось мое сердце. Сколько прожила в Москве, но даже не думала, что судьба занесет меня в это место. Из гостиницы выходили шикарно одетые женщины, не обращая на

меня никакого внимания. Я сделала глубокий вдох, поправила платье и с ужасом посмотрела на Илью.

– Расслабься, – улыбнулся он. – Я тебя не на прием привел. Обычный отель, куча офисов. Кобзон – и тот здесь контору имеет.

– Ой, правда? Он сюда каждый день приезжает? Его можно увидеть?

– Нет, конечно. К его офису близко не подойдешь. Мы с тобой идем в маленький мексиканский ресторантик.

Поднявшись на двадцатый этаж, мы зашли в уютный зал. Илья сделал заказ и, усмехнувшись, посмотрел мне в глаза.

– Ну как, нравится?

– Приятное заведение, а самое главное, что Москва здесь действительно как на ладони!

Выпив бокал шампанского, я почувствовала себя намного увереннее. Илья принялся за мясо по-мексикански, налив себе текилу.

– Ну как, отошла? – усмехнулся он.

– Вроде бы. – Я огляделась по сторонам и успокоенно вздохнула, поняв, что окружающим до меня нет никакого дела.

– Слава богу, а то, когда мы подошли к дверям гостиницы, мне показалось, что ты сейчас грохнешься в обморок. У тебя цвет лица синий был.

– Посмотрела бы я, каким бы ты был на моем месте.

– Жалко мне тебя, Машка. Красивая баба, а в процедур-

ном кабинете сама себя похоронила. Такие, как ты, должны шикарно жить.

– Ну кому я нужна в этой шикарной жизни? Я ведь ничего, кроме уколов, делать не умею.

– Я бы этого не сказал. Ты нормально ведешь себя в постели. Если тебя немного подучить, ты сможешь вытворять классные вещи. У тебя отменная фигура, потрясающие ноги, но отсутствует техника.

Я недоуменно уставилась на Илью.

– Ты это к чему говоришь?

– Да так просто. Говорю, что жалко тебя. В больнице прозябаешь. И это с твоими внешними данными! Тебе нужно в дорогих ресторанах сидеть, менять наряды каждый день, на хороших машинах ездить!

– Так возьми и женись на мне. Подари мне красивую жизнь, а то вы все только восхищаться умеете, а как до дела дойдет – сразу в кусты.

Подмигнув Илье, я налила себе полную рюмку текилы. Илья поперхнулся и закашлял. Я постучала его по спине, выпила обжигающий напиток и засмеялась.

– Вот видишь, как ты испугался! Аж подавился со страху!

– Ничего я не испугался. Просто я не могу на тебе жениться.

– Почему?

– Потому что я уже женат.

– Женат?! – округлила я глаза.

– Женат, и уже довольно давно. Правда, я почти год не живу со своей супругой, но нас слишком многое связывает. Мы не можем развестись.

Не зная, что сказать, я опустила глаза. Мне хотелось провалиться сквозь землю от жуткого стыда и собственного бессилия.

– Ты на меня обиделась?

– За что?

– Наверное, за то, что я женат.

– Разве на это обижаются? Я с самого начала не строила никаких особых иллюзий по поводу наших отношений. Та женщина, которая приезжала к тебе в больницу, это и есть твоя жена?

– Нет. Я же тебе сказал, что не живу с ней почти год.

– Тогда кто же приезжал к тебе в больницу?

– Это моя любовница.

– Любовница? Тогда почему ты ей не доверяешь?

– Если ты спишь с человеком, вовсе не обязательно ему доверять.

Заиграла живая музыка. Я откинулась на спинку стула и попыталась расслабиться. В голове была полнейшая неразбериха. Илья встал и пригласил меня на танец. Мы вышли в центр зала. Я прижалась к его могучей груди, с трудом сдерживая себя, чтобы не броситься ему на шею и не поцеловать в горячие пухлые губы. Илья наклонился к моему уху и еле слышно прошептал:

– Ты не хочешь рассказать мне ту историю, которая произошла в коттеджном городке? Мне кажется, что ты видела людей, убивших Валета. Более того, я почему-то уверен в том, что ты по каким-то причинам не хочешь мне довериться.

Я остановилась, скинула с талии руки Ильи и сквозь зубы произнесла:

– Скажи правду. Ведь именно за этим ты привез меня в этот ресторан и потратился на шмотки?!

– Ты неправильно меня поняла, – начал оправдываться Илья и попытался схватить меня за руку.

– Заткнись! Я бы сейчас с удовольствием сдернула купленное тобой платье, но мне не хочется выходить отсюда в нижнем белье! Я отдала твоему Валету деньги и больше ничего не знаю. По крайней мере, в тот момент, когда я их ему передавала, он был еще жив. Если бы я увидела труп, я бы тебе об этом сказала. Мне кажется, что я пока еще могу отличить труп от живого человека. Кто его убил, не знаю и знать не хочу! Это твои друзья, твои темные делишки, поэтому разбирайся со всем этим сам. И запомни: я не хочу тебя знать и ничего о тебе слышать! Не вздумай приезжать ко мне домой, а уж тем более на работу! Ты придурок, и я тебя ненавижу!

На секунду я опустила глаза и с грустью посмотрела на новые туфли. Затем быстро разулась, отпихнула их к ногам Ильи и, стараясь не разреветься, выпалила:

– Это можешь передать своей любовнице. Я думаю, что еще одна пара ей не помешает! Если, конечно, размер совпадет с моим! У меня ножка узкая, маленькая. Ну а не подойдет, так подари кому-нибудь другому. Думаю, что проблем с бабами у тебя нет. Ты ведь у нас крутой мужик! Новый русский! Берешь от жизни все, что считаешь нужным. Точно так же ты взял и меня. Взял грубо, пошло и гадко!

В глазах предательски защипало. Потекла тушь, но остановиться я уже не могла:

– Ты взял меня как красивую вещь. Красивую, но недо-рогую. Это как бриллиант в простенькой оправе – он в ней не смотрится. Его не хочется носить потому, что он выглядит как обычная стекляшка, несмотря на то что это действительно бриллиант. Мне очень жаль, что все так произошло. Я не понимаю, почему тебя так беспокоит Валет. Насколько я поняла, он тебе не друг, да им никогда и не был. Я уверена, что ты не беспокоишься из-за смерти Валета. Тебя тревожит что-то другое. Я не такая дура, как ты думаешь. Если ты не хочешь быть со мной откровенным, то не вызывай на откровенность меня. Я пошла. Приятно повеселиться!

В последний раз взглянув на шикарные туфли, я смахнула слезы, улыбнулась и, подняв голову, пошла к выходу.

– Машка, не дури! – крикнул Илья мне вслед. Я оглянулась. Илья с туфлями в руках выглядел как побитая собака. Посетители ждали конца этой потрясающей сцены, с нескрываемым интересом разглядывая мои босые ноги.

– Я не дую. Я просто ухожу. Садись за стол и продолжай наслаждаться первоклассной кухней. Если раньше на нас смотрела вся больница, то теперь смотрит весь ресторан.

Я вышла из зала и бросилась к лифту. Спустившись вниз, побежала по Тверской, пугая народ босыми ногами. Поймав у Центрального телеграфа такси, я села в машину и закрыла глаза.

Глава 7

Прошла неделя. Илья не появлялся. Я страдала. В один из обычных августовских дней до меня наконец дошло, что он никогда не придет. Это был глупый и случайный эпизод в моей не богатой событиями жизни. Настолько глупый, что мне становилось неловко, когда я вспоминала о том, что произошло в ресторане на Тверской. Временами я открывала шкаф и любовалась новым платьем. Носить его мне не хотелось, да и куда?

Иногда по ночам снился Валет. Я просыпалась в холодном поту, включала свет и шла на кухню за валерьянкой. Правда, она мне почти не помогала. Наверное, именно поэтому я не любила ночь. И все же, рассматривая себя в зеркале, я понимала, что с моими внешними данными вполне можно рассчитывать на приятный сюрприз. А почему бы и нет? Вот выйду из своего отделения, отдежурив очередные сутки, и увижу машину Ильи. Илья откроет дверь и выйдет мне навстречу с огромным букетом алых роз...

Проснувшись утром, я привела себя в порядок и отправилась на работу. Настроение было прекрасное. Все плохое забылось, сердце ждало счастливого поворота судьбы. В конце концов, черная полоса должна когда-нибудь закончиться.

Запрыгнув в автобус, я улыбнулась засмотревшемуся на меня мужчине и подумала, что все не так уж плохо, черт по-

бери! В отделении я поздоровалась с пациентами и зашла в раздевалку. Через минуту дверь распахнулась и на пороге появилась взволнованная Танька.

– Ты что-то больно веселая сегодня, подруга. Что-то новое на любовном фронте?

– Мое настроение не зависит от подобных мелочей. Посмотри в окно: погода – прелесть и ветерок теплый. Это предсказывает близкие перемены. Я надеюсь, что они будут, причем в лучшую сторону. А ты что такая взволнованная? У тебя вид, как у сумасшедшей.

– Ой, Машка, тут такие дела творятся! Я вчера Верку подменила, поэтому без отдыха двое суток пашу. Сама знаешь, зарплата – хоть заживо умирай, поэтому за любой приработок цепляюсь. Только я не про то. Я про другое. – Танька тараторила без остановки, глаза ее блестели, голос постоянно срывался и дрожал: – Ой, Машка, если бы ты только знала, какая ты счастливая! Ты даже представить себе не можешь! Господи, если бы только знала, как тебя Бог бережет! Я так рада, что ты этого придурка отшила!

– Какого еще придурка?

– Того самого, который после выписки прикатил к тебе на иномарке с букетом цветов. Будь он неладен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.